

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вернувшись в 1987 году в Тулу из поездки к родным в Нью-Йорк, я напечатал свои дневниковые записи на пишущей машинке и отправил их бандеролью в редакцию очень популярного тогда литературного журнала «Знамя»: попросил рассмотреть возможность публикации. Это было время, когда Советский Союз и США ещё находились в состоянии холодной войны. Подавляющее большинство жителей Советского Союза не могли выехать зарубеж, даже в одну из стран социалистической ориентации, и по сути не знали, как живут люди в свободных странах мира. Действующая в СССР власть разрешала такие поездки лишь узкому кругу встроженных во неё чиновников и проверенных на лояльность к ней лиц.

Советская пропаганда в течение долгих лет культивировала в головах граждан враждебное отношение к народам капиталистических стран, и к американцам в частности. Но в стране уже началась перестройка, и я надеялся, что те жители советских республик, которые прочитают мою повесть, многое поймут: не только узнают о буднях и заботах новых и коренных американцев, но и осознают, как сами живут и чего лишены.

От журнала «Знамя» очень долго не было ответа; уж не помню, сколько прошло месяцев. Затем я получил частное письмо от рецензента, который прочёл мою повесть. Очень тепло отозвавшись о моих дневниковых записях, он сообщил, что рекомендовал их в печать, однако главный редактор журнала не решился на публикацию. Дело было не только в том, что ещё не наступило время для откровенных рассказов о жизни американцев и эмигрантов, но и в том, как сообщил рецензент, что главный редактор — еврей: он не хотел продвигать тему, которая могла неблагоприятно сказаться на его репутации. Следом я получил извещение о пришедшей на моё имя бандероли. В почтовом отделении мне выдали пачку тех самых, отправленных в журнал «Знамя», машинописных листов. Они были так зачитаны, так замусолены, что казалось прошли через десятки рук.

По мере дальнейшего ослабления диктата Коммунистической партии страна продолжала выходить из глубокого застоя. Скомпоновав текст из моих стихов и повести «К маме в Америку», я отправил эти машинописные страницы в «Приокское книжное издательство» с просьбой рассмотреть возможность выпуска книги. Спустя очень долгое время мне пришло письмо от главного редактора с отказом. Когда же издательства России получили разрешение властей выпускать книги за счёт средств авторов, я отправил ту же машинописную рукопись в «Приокское книжное издательство» с предложением издать книгу за свой счёт, и в течение недели получил от того же главного редактора положительный ответ. Так, в 1990 году вышла моя первая книга «Связь» тиражом 5000 экземпляров. В книжных магазинах Тулы мне отказали в её продаже. Директриса самого большого из них по-дружески посоветовала мне сочинить какой-нибудь остросюжетный боевик или придумать что-нибудь пострашнее, — то, что пользуется спросом у читателей. И я стал продавать свою книгу сам: сначала в Туле, в людных местах, а затем в Москве, на Арбате.

Вскоре после выхода книги газета Тульского политехнического института, который я в своё время окончил, стала публиковать мою повесть из номера в номер. И как я слышал, не только студенты, но и жители города передавали эти номера из рук в руки. Однажды, когда я, довольно уставшим, в очередной раз после продажи моих книг на Арбате возвращался поездом из Москвы в Тулу, я заснул на верхней полке купе. И в той дремоте я услышал, как кто-то читает знакомый мне текст. Я стал прислушиваться — и понял, что это мои дневниковые записи. Открыв глаза, я увидел трёх женщин, сидящих на нижней полке с противоположной стороны купе. Одна из них читала вслух развёрнутую перед ней газету. Когда она закончила читать, я получил у неё разрешение взглянуть на эти страницы. Уж не помню, как называлось издание, но это была московская газета. Целый её разворот состоял из фрагментов моей повести. Редакция даже не попыталась получить моё согласие на публикацию.

До недавнего времени я думал, что мои дневниковые записи утратили свою актуальность, а если они и окажутся востребованными, то лишь в качестве исторического материала, — как свидетельство того, каким образом обустраивали свою жизнь в США эмигранты

третьей в XX веке, как принято считать, волны эмиграции из СССР. Однако сейчас, когда власть в России тщательно скрывает от своих граждан правду, — в стране не осталось ни одного новостного канала, свободного от её диктата, — когда Россия продолжает вести начатую ей агрессивную войну против Украины, в которой погибли сотни тысяч людей, идеологи Кремля опять педалируют политику холодной войны по отношению к странам Запада. Причём они прибегают к более коварным, более циничным методам, чем делали это идеологи Коммунистической партии. Пропагандисты опять внушают россиянам, что американцы — их враги, стремящиеся как можно больше им навредить. Боюсь, что при диктатуре в России, установившейся в первой четверти XXI века, может вновь подрасти поколение людей, у которых не будет возможности выезжать за пределы страны и которые усвоят уроки этой лживой пропаганды.

Моё пространство в сети сейчас посещают 15–20 тысяч человек в месяц. Около половины из них — жители России. Выставляя столь давно написанный текст в открытый доступ, я надеюсь, что хотя бы некоторым из них это повествование поможет понять, в какое время, в какой стране и насколько лишёнными прав и свобод они живут.

Моей мамы уже нет в живых. Нет в живых и некоторых других героев моего повествования, в частности Зои и Миши Муркисов. Моя сестра и её муж — Лина и Марик — вскоре после моего отъезда из Нью-Йорка купили тот самый дом в Стейтен-Айленде, точнее половину дома, который мы вместе поехали посмотреть в сентябре того самого 1987 года. Лина и Марик продали его и теперь живут во Флориде.

За прошедшие годы мир настолько изменился, что некоторые сообщения и цифры, встречающиеся в этих записях, могут показаться читателям неправдоподобными. Однако действительно было такое время, когда рубль стоил дороже доллара, причём более чем в полтора раза. Правда, открытого обмена валют в СССР не существовало. Цены в США на продукты и на проезд в общественном транспорте, размер квартплат и другие суммы в центах и долларах, упомянутые в этих записях, а также заработки американцев, включая минимальную

оплату труда в штате Нью-Йорк, и размер помощи неимущим теперь кажутся неправдоподобно смешными, — крайне малыми. Эти суммы многократно возросли. Многократно выросло и число русскоязычных граждан, эмигрировавших из Советского Союза и бывших республик СССР.

Для советского человека, который впервые выехал за пределы своей, закрытой от мира, страны, многое было в диковину: показ кино в самолёте и обслуживание пассажиров, как в ресторане, и возможность для работающего человека взять кредит в банке для покупки дома или для других нужд, и дистанционное управление разными приборами и устройствами, и наличие компьютера у школьника, и дисплеи, установленные на рабочих местах у сотрудников офисов, и банкоматы, выдающие деньги, и столь огромный выбор однотипных товаров в магазинах, что выбор сделать предельно тяжело, и многое другое.

Для тех людей даже среднего возраста, которые прочтут эти записи, может показаться странным отсутствие мобильных телефонов и то, что на улицах установлены телефоны-автоматы. Молодые люди вряд ли знают, что такое бипер. Историческим фактом остался и высокий уровень преступности в Нью-Йорке. Решительная борьба местных властей с преступностью, с мафией, рэккетом и наркоторговлей сделала Нью-Йорк одним из самых благополучных, безопасных для жизни американских городов. Так было до недавнего времени. В последние годы криминогенная ситуация в Нью-Йорке ухудшилась, как произошло это и во многих других городах мира.

*Ростислав Дижур
Декабрь 2024 года
Нью-Йорк*

К МАМЕ В АМЕРИКУ

Из дневниковых записей
5747/5748 года Иудейской эры,
1987 года от Рождества Христа

19 марта, четверг

Длинный стол, за ним серьёзные люди — партбюро. Обсуждают мою характеристику. Решают: отпускать меня или нет. Когда-нибудь над этим посмеются, а пока все напряжены, сосредоточены. Ведётся протокол.

Накануне доброжелатель шепнул мне: «Характеристику тебе не подпишут, — ты не указал в автобиографии, что родственники за границей».

С этого и начали. Встала одна уважаемая дама: «Предлагаю в характеристике отметить: “При поступлении на работу место проживания ближайших родственников скрыл”».

Я попросил показать, где в моей анкете ложь или сокрытие. Стали изучать вопросник. Вот. О членах семьи: «...и где проживают». Да, но моя семья — это моя жена и мой сын... Та же дама: «А вот! Последний вопрос: “Какие сведения о себе и ближайших родственниках считаете необходимым сообщить?”». «Не ответил, — говорю, — значит, не счёл необходимым. Те, кому положено, об этом знают: мы переписываемся, перезваниваемся. А работа у меня несекретная. Дама настаивала на формулировке «скрыл».

Сказать, что партия скрывала от меня, пусть беспартийного, но гражданина страны, куда более серьёзные факты?.. «Пишите, — соглашаюсь, — это ваше право, но тогда будьте точными, сформулируйте фразу по анкете». Так в характеристике и отметили: «...не счёл необходимым сообщить».

Спрашивали о несущественном. Чувствовалась какая-то всеобщая неловкость. Назревал вопрос, из-за которого все и собрались. И прозвучало: «А ты не думаешь там остаться?».

Показалось, всем стало легче.

Унизился до объяснения.

23 марта, понедельник

Отнёс документы в ОВИР и услышал: «Позвоните месяца через полтора-два, не раньше». «Как?! — недоумеваю, — в постановлении говорится: дела должны рассматриваться в месячный срок». В ответ — улыбка: «Пока это делается дольше. Вам придётся подождать. Месяца два-три».

11 июня, четверг

Звоню в ОВИР через день. Отвечают очень вежливо. Здесь, должно быть, целая наука — сказать «нет», но так, чтобы оно прозвучало почти как «да». «Попробуйте позвонить завтра»; «Ваше дело ещё рассматривается»; «Вы знаете, сегодня ещё не было почты». Изредка прихожу сам, — в глаза той девушке взглянуть.

По справкам жизнь моя вами изучена,
числами иссушена, разложена и по адресам.
Характеристика тоже прескучная.
Лучше скажу о себе сам.

Я кроток и нежен, доверчив и покладист.
Я ду́ши врачую электронных машин.
Живу по средствам, честно, на окладе,
а в деле, в работе — неудержим.

Не пью, не бранюсь, не устраиваю дебоши,
и впредь клянусь не содеять худого.
Поверьте же вы! Я хороший.
И не шпион, честное слово.

1 июля, четверг

Звоню каждый день. Иногда по два раза: утром и в конце дня. Меня уже узнают по голосу...

23 июля, четверг

Прошло четыре месяца. «Ждите, — отвечает Ольга Владимировна, — ждите». С глазу на глаз говорит, что закон на моей стороне. Тогда почему?

Там наша поэтесса доброе, вечное сеяла,
там наших боксёров сейчас лупцуют.
Театр выпустили Большой, ансамбль Моисеева.
Хотите? — и я подерусь. Хотите? — станцую!..

7 августа, пятница

Ольга Владимировна позвонила мне на работу, назначила встречу в ОВИРе на понедельник, в 12.40.

— Надо кое-что уточнить, — сказала.

— А сегодня, — спрашиваю, — нельзя?

— Давайте в понедельник.

Ещё три дня ждать. Какая пытка. Но к чему этот звонок и такая точность, 12.40, после стольких расплывчатых ответов на мои прямые вопросы? Явно сдвинулось что-то.

Снег сошёл. Сады отцвели.
Певчих поутихли трели.
Плоды созрели.

9 августа, воскресенье

Что можно ещё уточнять? Указано всё: кто, где, когда, чем занимается — здесь и там. Остаётся одно: этот нелепейший вопрос...

10 августа, понедельник

Пришёл в ОВИР в 12.30. Ольга Владимировна несколько раз проходила мимо: «Подождите немного»; «Посидите пока». Здороваюсь со всеми служащими, — милые девушки. Улыбаются мне,

улыбаюсь я. И думаю: кто кому больше надоел? Лёгкая дрожь в теле... А ведь были крепкие нервы.

13.00. В ОВИРе перерыв на обед. Простучали каблучки уходящих. Жду. В 13.15 Ольга Владимировна пригласила меня зайти. Попросила закрыть за собой двери. Разговор наедине, в приёмной. Собственно, приёмной нет. Есть коридорчик: тесный, без окон. Стол у стены и два стула.

Сначала пожалела: «Я хорошо вас понимаю, ждать очень тяжело. Поверьте, мне вас от всей души жалко». Это после сорока пяти минут держания за дверь.

Далее:

— Кажется, дело ваше идёт к концу.

— К какому же?

— Боюсь вас обнадеживать. Но думаю, всё будет хорошо... Нужно кое-что уточнить. Кем там работает ваша сестра, её муж? Смогут ли они содержать вас месяц?

— Всё это я указал в анкете, а потом подробно изложил на бумаге, как вы просили.

— Да-да. Но у нас нет сейчас под руками ваших документов.

?!

Пересказал всё ещё раз.

Надо думать, это была разминка. Далее в самом доверительном тоне прозвучал вопрос: «А нет ли у вас такой мысли: там остаться?».

Ха-ха! Жди, так бы я тебе и сказал. До чего же грубая работа. Хоть бы в кино пригласила, я уж не говорю про постель.

Когда все кругом только и спрашивают: «А нет ли у тебя в мыслях украсть?» — поневоле задумаешься: может быть, и в самом деле есть? А там, того гляди, и украдёшь. Назло, уж всё равно держат за вора.

Опять унизился до разъяснений.

— Если бы я хотел уехать, — говорю, — уехал бы с ними. Вы же знаете, такой попытки не было. Если остался, значит, это серьёзно.

— Но ваши взгляды и намерения могли измениться.

— Если бы я хотел этого, сделал бы всё законно. И наверное быстрее получил бы разрешение.

— Да, вероятно...

Затем — о Ларисе:

— А жена ваша туда не хочет?

И т. д. Тошно.

На прощанье мне: «Давайте договоримся так. Вы позвоните в среду, между одиннадцатью и двенадцатью часами. Возможно, уже будет окончательное решение».

12 августа, среда

11.10. Звоню. Десять минут — потому что «между». Десять минут, как десять лет. Ольга Владимировна: «Для вас пока ничего нет, позвоните в конце дня».

15.35. Трубку взяла Елена Владимировна: «Ольги Владимировны нет и до конца дня не будет. Позвоните завтра утром».

13 августа, четверг

9.30. Звоню из дому, — работаю во вторую смену. Ольга Владимировна: «Пока ничего для вас нет. Позвоните часам к двенадцати. Может быть, материалы придут. Но вообще-то дело решается положительно, остались формальности. Возможно, на следующей неделе вы всё получите... Я вас обрадовала?».

Ещё в июле думал: разрешат, —
я расцелую всех чинуш в ОВИРе,
горланя радостно: «Советский бюрократ —
лучший в мире!».

«Не осталось, — говорю, — сил радоваться».

12.00. Ольга Владимировна ушла. Для меня ничего нет. «Звоните завтра утром».

14 августа, пятница

9.00. «Позвоните в одиннадцать часов».

11.00. «Почта уже пришла. Для вас — ничего. Позвоните в понедельник».

17 августа, понедельник

10.00, 16.00 — ничего.

18 августа, вторник

10.30. «Позвоните к концу дня».

16.30. Трубку взяла Елена Васильевна.

— Здравствуйте, — говорю, — это Дижур.

В ответ молчание.

— Позвонить завтра утром? — спрашиваю.

— Ваше дело пришло. Результат положительный.

— Наконец-то.

— Позвоните завтра утром, договоритесь с Ольгой Владимировной, когда вам прийти за паспортом.

19 августа, среда

9.20. Звоню с работы.

— Доброе утро, Ольга Владимировна.

— Здравствуйте, Ростислав. Знаете, ваше дело только что (?) пришло. Сейчас посмотрю, какое решение... Так...

— Мне Елена Васильевна вчера уже сказала, что решение положительное.

— Да, положительное. Давайте договоримся. Вы мне позвоните в следующую среду...

— Как?! Ещё неделю ждать?!

— Да, начальник должен подписать бумаги.

— Так долго!..

— Вы пока можете уплатить двести один рубль в сберкассау.

Скажете: госпошлина.

— Так ещё раз. Когда мне вам позвонить?

— Ну давайте в понедельник... А вообще-то... Позвоните завтра к концу дня. Может быть, мне удастся подсунуть начальнику документы раньше.

20 августа, четверг

16.00 «Попробуйте позвонить завтра в это же время».

21 августа, пятница

16.00 «Здравствуйте, Ростислав, — ответила Ольга Владимировна. — Приходите ко мне в понедельник с двух до пяти с паспортом и квитанцией об уплате госпошлины».

24 августа, понедельник

14.10. ОВИР. Нет света. В темноте — помещение без окон — человек двадцать ожидают приёма. Объявили, что приёма не будет, пока не дадут электричество. Минут через десять свет зажёгся. Через час подошла моя очередь.

Заполнил две анкеты. Ознакомился с правилами поведения советских граждан, выезжающих за границу, и расписался. Буду паинькой. Прочитал несколько засаленных, ветхих, пожелтевших от времени страничек машинописного текста: что можно везти с собой за границу и привезти оттуда. Подивился скудости этого документа. Говорю Ольге Владимировне: «В газетах пишут, уже действуют новые правила». «Да, — отвечает, но их у нас пока нет. Узнайте в Москве». Выдала мне заграничный паспорт: «Теперь вам надо в американское посольство». Опять посочувствовала: так долго ждал. Спрашиваю, где приобрести билет на самолёт. Не знает. Где обменять рубли на доллары? Пожимает плечами.

Вечером заехал к Людмиле Александровне; как-то познакомился с ней в ОВИРе, — разговорились, пока ожидали приёма. Три года назад она съездила в США к сестре в гости. На вопрос: где купить билет? — ответа не получил. Оказалось, дорогу в оба конца ей оплатила сестра. Зато узнал, что в американское посольство нужно приезжать с двумя фотографиями, а деньги меняют в Москве на улице Чкалова.

На работе взял отгулы на два дня. Лариса захотела ехать со мной. Заказали такси на четыре часа ночи.

25 августа, вторник

На такси — до железнодорожного вокзала. Билетов на Москву в кассах нет. Подошли к поезду. Заспанная проводница сказала, возьмёт нас, но предупредила: свободных мест нет. Отъехали в 4.40. Вагон купейный. Сидели в проходе на мешках с грязным бельём. Поезд опаздывал. В получасе езды от Москвы долго стояли.

9.10. Американское посольство. На углу здания — милицейская будка. Милиционер взял у меня паспорт. Ларисе: «А вам придётся подождать здесь». Зашёл в вагончик и через пару минут вернулся, возвратил паспорта мне и ещё одному мужчине: «Идите». Уже в спину нам: «Идут двое». У входа в посольство — два милиционера с рациями.

Вошли. За стеклом — слева по ходу — девушка. Жестом показала: пройдите дальше. Дальше — тоже за стеклом — парень в военной форме. Стройный, высокий, красивый. Коротко острижен. Открытое лицо, дивная улыбка. Высок сам и стоит, видно, на возвышении. Смотреть приходится снизу вверх. Явно не случайно. Просовываю паспорт под стекло. Взял, жестом указал мне на арку металлоискателя, через которую надо пройти. Я выложил кошелек и прошёл. Раздался слабый сигнал. Улыбается он, улыбаюсь я. Жестом попросил меня пройти ещё раз. Ловлю себя на том, что рассматриваю этого улыбчивого парня и кажется, люблюсь им. Снова ощупал свои карманы, выложил ручку. Сигнал повторился. Опять улыбки. Поискал по карманам, нашёл ключ. Сигнала нет. Улыбаемся. Собрал свои вещи, взял паспорт, вошёл в следующую дверь. За дверью — мужчина в штатском. Показывает, куда пройти.

Попал в совершенно тёмную комнату и остолбенел. Тишина. Но чувствую, здесь очень много людей. Глаза привыкли к темноте, и стали видны силуэты. Бледный лучик падает откуда-то из-под потолка на стол, где женщина склонилась над бумагой и что-то пишет. Мысли работают в одном направлении: зачем им нужна такая обстановка.

Зажёгся свет. Оказалось, были просто неполадки с электричеством. Интересно. В Туле, когда я пришёл за паспортом в ОВИР и тоже очутился в тёмном помещении, почему-то сразу сообразил: нет света.

Из служебного помещения вышла девушка с бланками в руках. На блузе — пластиковая карточка служащей посольства. На карточке — фото, имя, должность. Спросила по-русски: «У кого частная поездка?». Раздавала анкеты, узнавала у каждого, есть ли две фотографии. У многих не оказалось. Их никто не предупредил. Девушка сочувствует, но объясняет, что без фотографий нельзя. Называет адрес ближайшего фотоателье.

Сел заполнять анкету. Среди прочих вопросов: цвет кожи, цвет волос, рост, особые приметы; собираюсь ли ещё в будущем посетить США и когда; членство в КПСС, в профсоюзах.

Заполнил и стал в конец очереди. Подходят ещё люди. Разговариваем. Женщина из Владивостока. Взяла отпуск, думала, сразу же из Москвы и полетит. Но вчера в кассе Аэрофлота узнала, что билетов на Нью-Йорк нет по 28-е октября. Не знает, как быть; придётся возвращаться домой. Спрашиваю у неё, есть ли фото. Нет. Мужчина из Горького не верит, что нужны фотографии.

Опять появилась девушка с карточкой на блузе. Раздала анкеты вновь пришедшим — тем, кто с фотографиями. Остальных терпеливо выслушивает, сожалеет, но помочь, говорит, ничем не может. Женщина из Владивостока уходит. Сегодня визу она уже не получит, — принимают здесь до двенадцати дня. Мужчина из Горького объясняет, что он едет с женой, показывает два паспорта; жена осталась в Горьком. Девушка виновато: «Нужны фотографии».

Очередь раздваивалась. В одном окошке — живописный бородач. В другом — дама неопределённого возраста. Я — к ней. Слово «еврей» в моей анкете зачеркнула, сверху написала что-то красным. Ещё подписала что-то. Обрезала две фотографии, лихо прищёлкнула их — по фото на каждый экземпляр анкеты — и в темпе спросила: к кому еду? как моё здоровье? был ли арестован? член компартии? член профсоюзов? Улыбка — мне: «Подождите теперь, пожалуйста». Товарищу, стоявшему впереди меня, на вопрос, как долго ждать, ответила: «Людей много. Наверное, час-полтора».

Пока стоял в очереди, прочитал небольшое объявление за стеклом: «Американская авиакомпания PAN AM продаёт билеты на рубли». Записал номер телефона.

На стене — аппарат. Звоню. Женский голос ответил по-английски.

— Здравствуйте, — говорю, надеясь быть понятым. — Скажите, когда я могу улететь ближайшим рейсом в Нью-Йорк?

— А когда вам надо? — уже по-русски, с лёгким акцентом.

Я в замешательстве:

— В понедельник.

Почему в понедельник — не знаю.

Записала фамилию, спросила номер телефона.

— В Москве телефона нет, — отвечаю.

— Где есть?

— В Туле.

Давайте в Туле.

Потом:

— Так... понедельник. Тридцать первое августа. Подождите, пожалуйста, минутку.

И чуть погодя:

— Алло! Вам заказано одно место на тридцать первое августа, до Нью-Йорка. Вылет в 8.55 из Шереметьево. Когда вы придёте за билетом?

— Сегодня. А до которого часа вы работаете?

— До шести.

— А когда у вас обед?

— О-о, — раздалось в трубке, и я понял: сморозил глупость. — Это не проблема. Приходите.

Объяснила, как добраться.

Жалко, если та женщина из Владивостока не узнает, что можно улететь на днях, и вернётся домой...

Открылось окошко, где выдают оформленные паспорта. Прозвучала и моя фамилия. Уплатил пошлину: шесть рублей сорок восемь копеек. Получил две копейки сдачи.

Из посольства вышел в двенадцать часов. Моросил дождь. Лариса стояла под балконом соседнего здания. Волновалась. Замёрзла. Увидела меня — заплакала.

— Ты что? — спрашиваю.

Всхлипывает:

— Не знала... уже... что делать. Думала...

— Завербовали, да?

Центр международной торговли. В дверях швейцар. С видом причастности к верховной власти выяснил, куда направляемся. Впустил нас после того, как посмотрел мой заграничный паспорт. Поднялись лифтом на одиннадцатый этаж. Идём по коридору. Озираемся по сторонам. Навстречу — двое парней. Один из них — нам: «Прямо по коридору будет дверь направо». Улыбаюсь: «А откуда вы знаете, что нам нужно?».

В самом деле, по коридору и направо — дверь с табличкой PAN AM. Я обернулся. Парни стоят, разговаривают между собой. Поймал взгляд одного из них, ухмыльнулся и получил такую же ухмылку в ответ. Если здание Центра — живой организм, то швейцар и эти двое ребят — его орган безопасности.

К нам вышла миловидная, средних лет женщина. Объясняю, что я заказал сегодня билет до Нью-Йорка на тридцать первое августа, — «А, так это вы звонили?» — но хотел бы улететь раньше: в субботу, двадцать девятого.

— Можно? — спрашиваю.

— Подождите, пожалуйста. Сейчас посмотрю.

Постучала по клавишам, взгляделась в экран дисплея:

— Нет, к сожалению, на двадцать девятое билетов нет.

— А на тридцатое?

— В воскресенье нет рейса... Но если вам нужно, придёте с вашим билетом двадцать девятого числа и улетите. У нас не было ещё случая, чтобы кто-то хотел улететь и не смог.

Пусть будет тридцать первое. Стоимость билета 826 рублей — туда, столько же — обратно; маршрут с пересадкой во Франкфурте-на-Майне. Платить спустились на первый этаж, в кассу Аэрофлота. Там сказали, что компания делает двадцатипятипроцентную скидку на билет «туда и обратно», если возвращение не раньше, чем за десять дней со дня вылета.

С меня 1276 рублей. Как потом узнал, если заказывать билет за три недели до вылета или раньше, сумма будет ещё рублей на четыреста меньше. Цена билета зависит от сезона и даже дня недели. В выходные билет рублей на пятьдесят дороже.

Пока отсчитывал деньги, к кассирше подошла её приятельница. Как выяснилось, довольно словоохотливая. Кассирша вспомнила про нас после того, как были решены женские проблемы. Её разговор-

чивая приятельница тоже заметила наконец меня с пачкой советских денег — и к подруге:

— А что, PAN AM берёт в рублях?

— Да, у нас договор с ними. Аэрофлот не справляется.

— А доход?

— Фифти-фифти.

Во Внешторгбанк на Чкалова чуть опоздали, работает очень странно, до 14.45. Остаюсь в Москве ещё на день. Позвонил тёте Жене, переночую у неё. Искали с Ларисой, что бы мне повезти своим в подарок. Но так ничего и не выбрали. Купили конфеты в коробках. Лариса поехала на вокзал, ей завтра не работу. Я — на Калининский проспект: на переговорный пункт, звонить маме. Заказал. Голова раскалывается. Несколько раз пытался проглотить таблетку. Так и не смог, не проглатывается.

Соединили быстро, через полчаса.

— Маму-у-ля-я! Всё в порядке! Прилетаю! В понедельник, тридцать первого августа!

— Ой, — показалось, мама там села, — у меня даже мороз по коже.

— Возьми ручку, запиши.

Пошла за ручкой, записала номер рейса.

— Мама, — говорю, — ты только не волнуйся.

Плачет:

— Да, сынок, ты тоже...

26 августа, среда

Утром, уезжая от тёти Жени, попросил её тридцатого числа, вечером, купить две буханки чёрного хлеба, посвежее. Слышал, за границей все по нему скучают.

Во Внешторгбанке заполнил и сдал анкету. На месяц меняют 210 рублей. Часа через полтора мне отсчитали 341 доллар. Купил на улице Горького две бутылки шампанского и чемодан в дорогу, — с моим стыдно ехать. Потом догрузился продуктами: дома есть уже нечего. Но колбасы нет нигде. Никакой.

На Курском вокзале взял билет до Тулы. Два часа до поезда. Обошёл ближайшие магазины. Нет колбасы.

27 августа, четверг

На работе написал заявление на отпуск и забрал все оставшиеся отгулы. Так что отпуск продлится до пятого октября.

28 августа, пятница

Во втором часу ночи — телефонный звонок: «Вас вызывает Америка». Мама. Переспросила, когда прилетаю. Не поверила своим ушам: «Думала, может быть, я ослышалась». Потом заговорщически — мне: «Сынок, ничего с собой не бери».

30 августа, воскресенье

Выехали с Ларисой из Тулы на электричке в 15.50. Около девяти вечера приехали к тёте Жене. Заказали такси на 5.30 утра.

31 августа, воскресенье

Ночью всё время просыпался, боялся проспать. В 6.00 уже были в Шереметьево. Посадку объявили часа за два до вылета. На таможне чемодан просветили, но не открывали. За посадочными талонами небольшая очередь. Увидел знакомое лицо: талоны выдаёт та же служащая PAN AM, у которой несколько дней назад я заказывал билет. Каждому пассажиру находит какие-то слова. Девушка спросила у неё, не прошёл ли на посадку пожилой, седой мужчина, назвала его фамилию. «Да, как же, прошёл. Такой милый, тактичный». Девушка хотела бы место рядом с ним. В ответ, после небольшого раздумья, — посадочный талон и улыбка: «Если это не рядом, то очень близко». У пожилой дамы, стоявшей впереди меня, спросила о здоровье. Дама, обрадовавшись, стала рассказывать о своих болезнях и была выслушана. Мне — улыбка:

— Что-то вы задерживаетесь, мы вас ждём. Хотите место для курящих?

— Нет, и если можно, у окна.

Пограничник взял паспорт в руки и так пристально посмотрел в глаза, что стало не по себе: опознание трупа. Дальше — ещё один досмотр.

Самого самолёта не увидел, — вошли в салон из здания аэропорта через «рукав».

Вылетели по расписанию, в 8.55. Рядом со мной сидели парень и девушка, говорившие между собой по-английски. Чувствовал себя скованно.

Пролетали над морем. Только успел подумать: где это мы? — увидел пилота, который ходит по салону с картой и показывает всем желающим наш маршрут. Один раз накормили.

Летели до Франкфурта-на-Майне около трёх часов. Столько же — ждать рейса на Нью-Йорк. Перевёл стрелки на два часа назад, — выставил местное время. Побродил по аэропорту. На огромной торговой площади — множество магазинов. Услышал русскую речь. Оказалось, попутчики, — супруги возвращаются домой, в Нью-Йорк. Гостили в Союзе у родных.

На посадку пригласили сначала пассажиров с детьми. Из окна зала ожидания увидел наш самолёт — «Боинг-747». Берёт на борт около пятисот пассажиров. В ряду десять мест, 3+4+3. Постоянно предлагали соки, кофе, чай. Еду разносили три раза. При этом нужно было сделать выбор. Из предлагаемого, из вопросов, я понимал только *ог* — «или». Называл то, что мог повторить. Перед едой раздавали пинцетом ещё дымящиеся влажные салфетки — обтереть руки.

Показали фильм. Звук и музыка на весь полёт — в наушниках. Разъём для наушников — в ручке кресла. Не хочешь смотреть и слушать — можешь спокойно спать под перестрелку на экране.

Океана видно не было. Дымка. Потом долго летели над сушей. Прилетели в 16.30 по Нью-Йорку. Приземлились под общие аплодисменты и радостный визг. Всё ещё тридцать первое августа. Светит солнце.

В аэропорту все иностранные граждане становятся в общую очередь — на паспортный контроль. Американцы же проходят не задерживаясь, без проверок: для них отдельный выход.

Простоял минут сорок. Очередь разветвляется к пяти-шести служащим. Я попал к темнокожему. Ни первый, ни второй вопрос его

я не разобрал, но сказал на всякий случай, что приехал к матери и сестре, что они ждут меня где-то здесь. Далее — вопросы, на которые ответил: где буду жить? долго ли собираюсь пробыть в США?

Вещи, сданные в багаж, вращались по кругу на транспортёре. Взял свой чемодан. Огляделся. Встречающих не видно. Пошёл к выходу.

Первым увидел меня Юра — окликнул. Мама, Лина, Поля, Зоя, Марик, Миша*. Целуемся. Слезы. Очень много цветов — гвоздики. Мне. Только потом вижу: вокруг множество встречающих. Мы в центре. Кажется, все смотрят на нас.

Ехали двумя машинами — Марика и Миши. Я с мамой. Сначала — к Марику в магазин: помочь Боре** закрыть его. Но Боря справился сам, уже запирает двери. Я — ему: «Ты помнишь меня?». Пожимает плечами. «И как в футбол с тобой играли не помнишь?». Виновато: «Нет». Подошла Марта — нас познакомили, — итальянка, работает в магазине у Марика. Расцеловала меня, рада за нас.

Поехали к маме. Борис — на своей машине. Чуть задержался: отвёз Марту домой.

У мамы накрыт стол. При входе — разноцветными буквами надпись: WELCOME HOME ***.

Пришла Рита **** с мужем Яном и сынишкой Ариком.

Тосты. Бесчисленные вопросы: «Как там в Союзе?..».

За полночь, когда гости разошлись, мы поехали в ближайший супермаркет, работающий 24 часа в сутки, — Лине и Марику не терпелось меня удивить. Да, есть всё, даже больше, в неограниченном количестве, в яркой упаковке. Да, выбор колоссальный. Но глаза уже закрываются сами...

Первая ночь в Нью-Йорке. С мамой. Чувство дома.

* Лина — сестра, 39 лет.

Марик — её муж, на год старше Лины.

Зоя — сестра мамы, 59 лет.

Миша — её муж, ровесник Зое.

Поля — старшая дочь Зои и Миши, 39 лет.

Юра — её муж, лет на пять старше Поли.

** Боря — сын Лины и Марика, 17 лет.

*** Добро пожаловать домой.

**** Рита — младшая дочь Зои и Миши, 31 год.

1 сентября, вторник

Утром зашёл Миша. Едет по делу в Манхэттен, зовёт меня с собой — покажет город. Уходить от мамы не хотелось, но Миша заверил: через два часа вернёмся.

Колесили от небоскрёбов к трущобам. «Надо, — говорит, — чтобы ты увидел всё». Рассказал, что ему нужна большая раковина для их бизнеса. Вторая. Одной недостаточно: мытьё посуды — узкое место в их техпроцессе.

Остановились, вышли из машины. Миша опустил в автосчётчик несколько двадцатипятицентовых монет за стоянку, и мы пошли вдоль улицы с небольшими невзрачными домами. Магазинов много. Торгуют приблизительно одним и тем же: различная хозяйственная утварь — старинная и просто старая. Покупателей нет. Кажется, на всей улице мы — единственные. Миша выбрал большую металлическую раковину, б/у. На ней ценник — 150 долларов. Однако спросил, сколько стоит. Уже сто сорок пять. Поговорил, поулыбался с хозяином, и цена упала до ста долларов.

Вернулись к машине, подъехали к магазину. Купленную тяжеленную раковину рабочий погрузил к нам в кузов и получил от Миши какую-то зелёненькую, — все бумажные деньги одного цвета и размера.

Проезжаем улицей, где во всех витринах — люстры. «Почему так, — удивляюсь, — продают одно и то же, а находятся рядом?». «Если будешь торговать там, где никто не торгует, — объясняет, — можешь прогореть. Даже если люстры твои хороши и у тебя богатый выбор. Покупатель всегда хочет знать, что другие продают, есть ли лучше товар и дешевле. От тебя уйдёт, скажем, сюда, где таких магазинов десятка два, и к тебе уже не вернётся. Сделает покупку здесь». Да, наука.

По дороге домой Миша рассказал, как первое время по приезде в Америку работал у своего родственника-американца. У того была мастерская по ремонту машин. Вкалывал Миша с утра до вечера, получал очень мало. Родственник его обманул — не заплатил за пару месяцев. Миша ушёл от него и с тех пор не видел.

Когда проезжали мимо порта: «Вот сюда я приходил смотреть на советские корабли. Как в кино. Такая тоска была, — жить не хотелось... А родственника Бог наказал. Слышал, что он разорился, что сын у него наркоман».

...Меня показывают как диковину: из Союза.

На улице часто слышится русская речь.

Много машин, мало пешеходов.

Много инвалидов, престарелых в креслах-колясках. При каждом — человек, толкающий коляску сзади.

Рабочий, ремонтирующий дорогу, помогает старушке перейти перекопанный участок улицы.

Вечером — гости: «Как там в Союзе?...».

Когда все разошлись, Марик рассказал, с чего начинал здесь. Хватался за любую работу. Но без знания языка не очень-то брали: кому нужен глухонемой? Устроился на картонную фабрику, стоял у пресса. В основном посылали в ночную смену. Ушёл. Делал колбасу у одного поляка, пока тот не сгорел. Сгорел в прямом смысле слова. Когда начался пожар в цехе, колбасник стал выносить своё имущество. И страх потерять его оказался сильнее инстинкта самосохранения.

Затем в мастерской у японца Марик собирал радиоаппаратуру. Трудился тот японец с утра до ночи, а жил часах в двух езды от Нью-Йорка, спал не больше четырёх часов в сутки и тоже погиб, — уснул за рулём. Почти в таком же режиме работал и Марк: первую смену — в одной мастерской, вторую смену — в другой, часто возвращался домой далеко за полночь. Рассказывает, однажды тоже закончил работу часа в два ночи, — у японца можно было трудиться без ограничений по времени, оплата шла по часам. Так вот, садится в машину, включает зажигание и видит: на табло неисправностей горит красный транспарант. О чём там написано — не понимает. Посмотрел в словарь, перевёл слово «ремень». Значит, ремень полетел. Открыл капот — как будто порядок, но темно, толком ничего не разглядеть. Оставалось одно — ехать. Марик: «Я разгоняюсь и качусь. Опять проеду немного и останавливаюсь. Транспарант не гаснет. Я весь взмок, пока добрался домой. И что, думаешь, было написано?... Пристегнуться ремнём. Так-то вот без языка...».

Тут же припомнил, как нанимался к японцу. Пришёл в мастерскую и спрашивает у хозяина, не даст ли работу. Разговор был недолгим,

японец исчез — видно, спешил куда-то. Марик: «А я ничего не понял, что он мне сказал, — берёт меня или нет, приходит мне завтра или не надо. Целый день думал, в конце концов спросил себя: чем я рискую? Прогонит — уйду». На следующее утро Марик специально приехал очень рано и стал прогуливаться около мастерской. Дождлся японца. Но тот лишь поздоровался, прошёл мимо и пропал за дверью. Опять не знает, как бть. Потом рассудил: дверь в мастерскую обычно за собой запирают, это он успел подметить; если закрыта и сейчас — надо уходить. Дверь оказалась открытой.

Когда собралось немного денег, Марик решил попробовать себя в бизнесе. Он и ещё два компаньона взялись доставлять в Нью-Йорк натуральный апельсиновый сок и здесь его сбывать. Сок свежайший, — попадал к потребителю через несколько часов после производства. Вкуснее продававшихся, но дороже. Центов на двадцать за пачку. Американцы соков пьют очень много. И выбор большой. Заставить покупать новый, при этом платить дороже очень тяжело. Нужно доказать, что сок лучше. Раздавали бесплатно. Владелец магазинов уговаривали взять сок на условии, что нераспроданный товар у них забирают. В районах побогаче сок начали покупать. Но предприятие уже прогорало. Продали свой бизнес компании, которая доставляла в Нью-Йорк молоко. Попутно перевозя сок, она смогла снизить его стоимость на десять центов с пачки.

Из денег, вложенных в дело, к Марику не вернулось и половины. Но сейчас больше жалеет о потерянном времени.

В 1983 году Марик и ещё один начинающий бизнесмен, некогда москвич, купили в рассрочку на полтора года магазин дешёвых товаров. Дела шли неважно, не хватало опыта. Напарник ушёл, а Марик выстоял. Но в прошлом году заканчивался договор на аренду помещения. Хозяин дома на новый договор не соглашался. Надо было уходить со всем своим хозяйством. Случилось так, что рядом продавался небольшой двухэтажный дом с магазином на первом этаже. Второй этаж снимает одна семья. И покупка состоялась. За 240 тысяч долларов. Таких денег не было, конечно. Марику дали кредит в банке. Не было и 50 тысяч на первый взнос, — половину этой суммы занял у родных. Долг банку — на пятнадцать лет. Платит по 2000 в месяц. Это чуть больше того, что отдавал прежде за аренду

помещения, но теперь ежемесячно получает квартплату — 500 долларов от жильцов.

С учётом процентов предстоит выплатить две стоимости дома. Согласно договору с банком Марик может рассчитаться быстрее, чем за пятнадцать лет, — но не раньше оговорённого срока, — и тогда сумма окажется меньше; может продать дом. Долго не решался на эту покупку: «Не привык жить в долг». Лина, с гордостью: «Это я его убедила». Главный аргумент: здесь все так живут.

За последние несколько лет цены на дома резко росли. Сейчас Марику за дом вместе с магазином предлагают 350 тысяч.

Восемь лет назад мама, папа, Лина и Марик и Боря приехали в США со ста долларами на пятерых. Первые три месяца очень помогала Няня, — организация, содействующая всем эмигрантам, не только из Союза. Получали помощь от государства. Лину и Марика направили на курсы английского языка. Выдавали деньги на питание, на оплату квартиры. Дали 500 долларов на мебель. Няня помогает в устройстве на курсы по специальности, подыскивает работу. Лина после окончания курсов английского языка училась на шестимесячных курсах бухгалтеров, получала стипендию.

Через несколько лет Марик перечислил на счёт Няны 2000 долларов, хотя никаких формальных обязательств те, кому организация помогала, не несут.

Первую машину Марик приобрёл за символическую цену — 49 долларов. Она была старая, большая и тяжёлая. Уже не ездила. Марик сам починил её. О том, сколько пожирала бензина: «Нажмёшь на педаль — доллар».

Купив автомобиль, даже самый дряхлый, владелец обязан его застраховать. В штате Нью-Йорк сейчас это стоит минимум 700 долларов в год. Получая такую сумму, страховая компания в случае аварии по вине клиента оплачивает ремонт машин, повреждённых клиентом, но при этом ремонт автомобиля клиента на себя не берёт. Наличие у всех владельцев транспорта хотя бы такой страховки гарантирует, что невиновный в аварии не пострадает материально. Сумма платежа зависит, в частности, от водительского стажа, наличия или отсутствия нарушений дорожных правил, — компьютерные системы знают всё про всех. Страховка Бориной «тойоты» обходится

в 1500 в год: при любой аварии и она будет отремонтирована за счёт компании...

На московский хлеб никто не набросился. К тому же, когда я прилетел, он был уже чёрствый. Здешний хлеб и вкусный, и свежий. Продаётся уже нарезанным, упакованным.

2 сентября, среда

Марик подвёз маму и меня к океану. Это недалеко. Улица, на которой они, а теперь и я, живу, так и называется: Оушэн Парквэй, от слова «океан». В шутку её называют Рашэн Парквэй, от слова «русский». Действительно, кажется, русская речь здесь преобладает. Это одна из центральных улиц Бруклина. Тянется километров на пять, а то и больше. Дома на ней преимущественно пяти-шестиэтажные, много зелени.

Мама: «Мы здесь не евреи, мы — русские. Так называют всех, приехавших из Союза, независимо от национальности».

Марик высадил нас на Брайтон-Бич, поехал к себе в магазин. Мама: «В этом районе обосновались одесситы. Их тянет ближе к океану. Раньше тут было заброшенное место, а теперь поселиться здесь непросто». Почти на всех магазинах вывески и надписи на двух языках: английском и русском. Прошлись вдоль берега. Ресторан «Москва». Гастроном «Москва»...

Маме не понравились туфли, в которых я приехал, — настаивала, чтобы я купил себе удобную обувь. Зашли в небольшой магазин, торгующий кроссовками. От пола до потолка — во всю стену — полки. На них — по одной туфле и все разные. Прикинул. Получилось штук пятьсот. Из покупателей мы с мамой одни. Вокруг нас начинает крутиться хозяин. Предлагает помощь. Хочется быстрее уйти, и я выхожу на улицу. Мама — за мной. В соседнем магазине тоже кроссовки. И та же картина. Но ассортимент, кажется, другой. Тут я понимаю, что выбирать умею только одно из двух. Скажем, да или нет. Ну, из трёх: иногда можно ещё и воздержаться. Но не из пятисот. Бежать отсюда. Мои старые туфли лучше всех... Нет, маму огорчать нельзя. Зашли в третий магазин, и я остановил взгляд на кроссовке из тех, что стояли ближе...

Мама купила себе зимние сапоги. Как пенсионерка, она может раз в году получить бесплатно обувь стоимостью до 50 долларов. Присмотрела сапоги за 61 доллар. Хозяин магазина сам примерил ей несколько пар, пока подобрал по ноге. Мама отдала какой-то талон и доплатила до полной стоимости наличными. Мне: «Раньше можно было получать обувь два раза в году, теперь — один».

Маме по почте пришёл чек на 419 долларов — пособие от государства. «Обычно присылают первого числа, — поясняет. — В этот раз почему-то задержали. Седьмого числа получаю ещё двадцать один доллар фудстемпами». Это деньги, которые принимают только в продовольственных магазинах.

Папа подал документы на оформление пособия сразу, как приехал, и через пять месяцев стал получать, — по возрасту. Такие ежемесячные выплаты получают люди от 65 лет и старше, у которых нет доходов, а также малообеспеченные люди и неработающие по состоянию здоровья. Маме тогда было 58, но ей тоже назначили такую помощь — из-за гипертонии. А пенсия здесь даётся и женщинам и мужчинам в 65 лет*.

Вечером к нам зашла соседка-американка — посмотреть на меня. Ей лет под шестьдесят. Поставленная улыбка. Рада, что я встретился с мамой. Вопросы мне: «Как живётся в России?.. Это правда, что у вас бесплатная медицина?.. Сколько вы платите за телефон?». Мама — за переводчика. После моих ответов: «О, надо переезжать в Россию». И дальше: «А что у вас плохо в стране?». Вопросец. «Бывает, приходится стоять в очередях», — отвечаю. На лице американки недоумение: «Почему? Неужели нельзя сделать больше магазинов?».

* По сути это не так. При желании и наличии как минимум десяти-летнего стажа работы в США человек может оформить получение пенсии и в более молодом возрасте, а может сделать это и будучи старше 65 лет. Размер выплат зависит от возраста выхода на пенсию, и от стажа работы, и от заработанных за это время денег; чем больше получал человек, тем больше заплатил налогов и тем больше пенсионные выплаты. — Примечание автора 2024 года.

Когда она ушла, мама рассказала, что эти соседи живут более чем скромно. В квартире — только самое необходимое. Хозяйка не готовит. Завтракают, обедают и ужинают в кафе, ресторанчике, хотя и накладно. К примеру, яичница, приготовленная там, стоит два-три доллара, а дюжина яиц в магазине — 70 центов. Дома посуды у них нет никакой: «Мыть?». Есть лишь разовые стаканчики. Выпьет соседка сок — идёт выбрасывать стаканчик в мусоропровод.

Мама: «Американцы не любят готовить, и не принято это здесь. В некоторых старых квартирах даже кухни нет».

Марик — про то, как работал водителем на фабрике, возил яйца. Фабрика далеко от Нью-Йорка. Когда приехал наниматься туда, единственное, что спросили: «Водить умеешь?». Ему показали огромную машину: «Поедешь на ней. Завтра — здесь, в пять утра». Марик упросил одного парня показать, как справляться с этой машиной. Утром, на следующий день, повёз товар в Нью-Йорк. Ехал по карте. Свернул не там. Попал в город поздно, к полудню. Владельцы магазинов ругали его, не хотели принимать яйца: их могут не раскупить, а завтра, несвежие, они уже никому не нужны. Возмущённые хозяева звонили на фабрику. Перед ними извинялись: «Водитель новенький. Примите товар, а то, что не продадите, завтра утром заберём». Марик ждал разноса. Но ему не сказали ни слова.

О фабрике: «Кругом автоматика. Яйца просвечиваются, хорошие отделяются от плохих. Там, где испорчен желток, выбирается белок. И наоборот. Всё идёт в дело».

Лина — о том, как первое время училась улыбаться по-американски. На работе, если не сияешь, все спрашивают: «Что у тебя случилось?». «Ничего? — удивляются. — Тогда улыбайся!». Утром, прежде чем предстать перед сотрудниками, останавливалась у двери — примеряла улыбку.

Марик — про клубы, которых множество. Членство — в зависимости от предоставляемых спортплощадок, сооружений, инвентаря — от нескольких сот долларов в год и до нескольких тысяч. Боря ездит зимой в горы кататься на лыжах. Это недалеко от города. Один-два раза за зиму выбирают и Лина с Мариком. Снег там лежит в любую погоду, — выбрасывается под давлением вверх искусственный и падает, как настоящий. Работают подъёмники. Не

умеющих кататься — учат. Такой отдых стоит около ста долларов на двоих в день...

В декабре 1979 года, когда прилетели в Нью-Йорк, мама с папой поселились у Зои с Мишей; Лина, Марик и Боря — у Поли и Юры. С жильём было тяжело, — приезжали многие. Кроме того, хотели поселиться около родных, а этот район считается одним из лучших в Бруклине. Через месяц сняли квартиру из двух больших комнат, но крохотной — на одного человека и без окна — кухонькой. Переехали туда впятером. Через полгода все перебрались на квартиру, где сейчас живёт мама, тут получше. Это на третьем этаже шестиэтажного дома. Здесь две большие комнаты и тоже очень маленькая кухня; два человека расходятся в ней только боком. Но есть четырёхкомфорочная плита. Через пару дней их обокрали: днём, когда никого не было дома, залезли по пожарной лестнице через оставленное открытым окно. Много не взяли, — брать было нечего. С тех пор на окнах решётки.

Квартира оформлялась на маму. Как пенсионерка, она оплачивала и сейчас платит около тридцати процентов от её стоимости. Остальное берёт на себя государство, точнее город. Это очень помогало, — жили туго.

Ещё через полгода освободились сразу две квартиры на этой же лестничной площадке. Лина и Марик сняли одну из них, двухкомнатную. Вторую, трёхкомнатную, сняли Поля и Юра. Так и живут сейчас на одной площадке, а Зоя и Миша — в доме напротив, на другой стороне улицы.

Вообще, считают здесь не комнаты, не квадратные метры, а спальни. У мамы и у Лины с Мариком — односпальные. Мама сейчас платит за свою 85 долларов в месяц при полной стоимости 317. Рост квартплаты сдерживается, — владельцы имеют право повышать её только на несколько процентов в год. Но если такую же односпальную квартиру снять сегодня, это будет стоить уже дороже чуть ли не вдвое.

Боря живёт у мамы. Да и Лина с Мариком у себя только спят. Утром все завтракают здесь; приходя домой — ужинают. Здесь же проводят вечер...

Марик: «Первое время, когда было тяжело, приходила мысль: вернуться. Но тогда не принимали назад. И гордость, наверное, не позволила бы».

3 сентября, четверг

Как договорились, поехали с мамой к Лине на работу, в Манхэттен. Мне хотелось посмотреть, где и как Лина трудится. Недалеко от нашего дома — остановка метро. Стоимость проезда один доллар. Маме — пятьдесят центов, у неё льгота. Под землёй — никаких излишеств. Запущено. Потёки на стенах. Отколота кафельная плитка. Днём в метро свободно, поезда идут реже.

В вагоне — молодая, интересная женщина выщипывает брови, красится. Многие в наушниках: слушают музыку. Листают газеты. Друг на друга внимания не обращают. В вагон вошёл темнокожий парень; здесь не принято говорить «негр»: сказать так о тёмнокожем — оскорбить его, говорят «чёрный». Поиграл на саксофоне. Как-то безразлично, молча прошёл по вагону со стаканчиком для монет. Кроме мамы, никто не дал. Мама: «Американцы не подают».

Встретиться с Линой условились перед обедом, в двенадцать часов. Она увидела нас из окна, вышла на улицу. Увела маму к себе на работу. А ко мне спустилась Алла — сотрудница Лины, бывшая киевлянка. Повела меня в соседнее здание — познакомить, как накануне обещала, с одним архитектором. От Лины я после узнал, что из-за моего прихода Леонид, архитектор, перенёс деловую встречу на вечер. Фирма, в которой он работает, проектирует и строит дома в Нью-Йорке и других городах страны. Леониду около сорока. Тоже бывший киевлянин. В США десять лет. Начинал в этой фирме рядовым сотрудником. Сейчас — один из её вице-президентов. Показал в рисунках здания, спроектированные и построенные при его непосредственном участии. Это четыре небоскрёба в Манхэттене, Зимний сад. Комнатка Леонида отделена от огромной площади, где сидят служащие, фанерными стенами. Здесь ничего лишнего. Стол. Стул. Кресло для посетителя. Полки для книг и чертежей.

Леонид провёл меня по этажам. Кругом очень светло, уютно. Рабочие места сотрудников тоже изолированы. Ограждения, высотой по грудь, расположены буквой П. Они же образуют рабочее место: три

стеллажа для книг, чертежей и бумаг; стол с П-образной поверхностью.

Откуда-то сверху раздался мягкий женский голос. Леонид прислушался, извинился, сказал, что ему нужно позвонить, и подошёл к ближайшему телефону. Было время обеда. Я зашёл в одну из пустых кабинок, сел. Кресло на колёсиках легко перемещается от стола к столу. Сидишь в такой клетушке — не видишь никого и ничего, кроме своей работы. Встал — можешь переговорить с соседом. На многих рабочих местах стоят дисплеи.

Сотрудники, в большинстве, уходят на обед в расположенные поблизости кафе, ресторанчики. Некоторые звонят в те же рестораны и кафе — обед приносят.

Леонид показал мне центральный компьютер. Небольшой. Стоит в отдельной комнате. Смотрели на него из-за стекла, туда не ходят. На графопостроителе — неоконченный чертёж. Я спросил, как широко они используют эту графику. Оказывается, работают с ней очень редко: затраты чаще всего не окупаются.

У фирмы два президента. Леонид показал кабинет одного, затем второго. Скромно и сверхскромно. Самих президентов на месте не было.

Леонид помимо зарплаты получает часть дохода фирмы, а фирма преуспевает. «Ещё пять лет поработаю — и хватит». О суммах я спросить не решился: вдруг это не принято? По словам Аллы, у Леонида три дома, две кооперативные квартиры, — деньги вкладывает в дома. Его родители живут в Киеве. Я записал их номер телефона. Вернусь — позвоню, передам привет от сына.

Обедали в китайском ресторанчике: мама, Лина, Алла и я. Креветки с орехами; что-то ярко-зелёное, похожее на цветную капусту; ещё что-то экзотическое. Рис, вермишель, чай. Предсказывающие судьбу пирожные: разламываешь — внутри записка. У Аллы: «Будешь носить одежду с глубокими карманами». «Это как понимать? — усмехается. — Будет много денег?». Мою записку перевели так: «Найду правильный подход».

Лина чаще всего обедает на рабочем месте, — берёт из дома что-нибудь. Но, рассказывает, мало кто делает так же, хотя все и жалуются: дорого. За обед надо отдать 4–5 долларов. Лина —

сотруднице-итальянке: «Бери еду с собой на работу». Та: «Каждое утро собираюсь это сделать и каждое утро не успеваю».

У Лины и Аллы заканчивался обед. Они взяли меня под руки, и я пошёл с ними. Мама поехала домой на метро. Когда уходила, до того тоскливо стало: ничего не надо, только догнать её, быть с ней. Замедлил шаг, обернулся, хотел крикнуть — не знаю о чём — и не крикнул. И не догнал. Почему? Ехал ведь к маме...

Поднялись на второй этаж. В большой комнате сидят человек десять — двенадцать, женщины. Рабочий беспорядок. Тесновато.

Как только мы вошли, женщины бросили дела. Смотрели на меня с любопытством. Видно, были предупреждены. Лина познакомила меня с каждой сотрудницей, рассказала, кто откуда. Все эмигрантки: из Пуэрто-Рико, Венесуэлы, Италии. Что-то говорили мне, улыбались. И я, ничего не понимая, улыбался им в ответ, кивал, угощал конфетами, — взял с собой коробку «Ясной Поляны». И без перевода было ясно — все очень рады.

У Лины своя комнатуха. Она бухгалтер, старшая здесь. Их компания поставляет канцелярские принадлежности различным учреждениям. Лина: «Сейчас босс приобрёл два родственных офиса, работы будет больше».

В отдельной остеклённой комнатке — компьютер. На всех столах дисплеи, — служащие сидят у экранов. Техника, видимо, эксплуатируется давно: порядком изношена. Алла подозвала к себе, показала, чем занимается. Проверяет оплату по счетам. В Киеве работала учительницей.

Я сидел в конторке у Лины, листал журналы. Она же, в основном, разговаривала по телефону. Стук в дверь. Средних лет мужчина заглянул, увидел меня. Извинился и поспешил уйти. Лина улыбаясь вышла и окликнула его: «Мори!». Мне: «Это наш босс». Когда он вернулся, представила меня: брат. «Да? Это твоя младшая сестра?» — хитро улыбается. Комплимент удался. Лина смеётся, хотя разница в семь лет, на которые она старше меня, почти незаметна. Конфету в рот босс отправил одним махом. Лина обо мне: «Инженер по компьютерам. Приехал в гости из Советского Союза»; её английский я понимаю без перевода. Мори: «О! Оставайся, возьму на работу!». Смеётся. Спросил, надолго ли я сюда? собираюсь ли ездить по стране? После: «Тебе здесь понравится, не захочешь уезжать».

Все вокруг очень улыбкивы, доброжелательны, постоянно шутят. Парень, остановившийся на минутку поговорить с Аллой и Линой, на прощанье — мне: «Очень приятно было с вами познакомиться», им: «...и очень неприятно было с вами говорить». Смеётся, хотя шутка, если Алла мне правильно перевела её, — из плоских.

Лина ушла на час раньше. Вообще работает до пяти часов. Трудовая неделя тридцатипятичасовая. Два выходных. Каждый приходит к такому времени, когда ему удобно. Некоторые начинают работать с семи утра. Лина — с девяти, Алла — с 8.30.

Пошли с Линой пешком по Манхэттену. Это остров, длиной — смотрел по карте — около двадцати, шириной два-три километра. Говорят, когда-то был куплен у индейцев за 24 доллара. Все небоскрёбы Нью-Йорка — здесь.

Зашли в большой книжный магазин, торгующий книгами только на русском языке. Покупателей не видно. Продаются наши газеты, в том числе и «Правда»; журналы: «Новый мир», «Юность» и др.; книги для детей; техническая, художественная литература. На полках — собрания сочинений, кажется, всех наших классиков и не классиков, умерших и здравствующих. Средняя цена за том — 12–15 долларов. Долго перелистывал книги. Уходить отсюда не хотелось. Показалось, работники магазина — советские граждане. Но заговорить с ними почему-то не решился.

Лина — когда проходили мимо салатного бара: «Давай зайдём. Сейчас таких баров стало много, пользуются популярностью». Мелко нарезаны и разложены всевозможные фрукты. Ходишь и набираешь в салатницу то, что хочешь. Платишь за общий вес.

Поднялись на Эмпайр-стейт-билдинг, прежде самое высокое здание Нью-Йорка, — 102 этажа. Удовольствие платное: 3.25 доллара билет. Лина не даёт мне платить. Лифтом — на 86-й этаж. Закладывает уши. По периметру здания — открытая площадка. Виден весь город. Фотографировались. В небе сверкающий на солнце дирижабль. На нём читается: GOOD YEAR. Думаю: чёрт побери, мелочь, а приятно — тебе желают хорошего года. Но Лина сказала, это название компании: всего лишь реклама. Поднялись лифтом на 102-й этаж. Здесь небольшая закрытая, застеклённая площадка. С надписями на разных языках типа «Здесь был...».

Погоуляли часов до семи вечера. Определили, где находимся, позвонили домой. Договорились, что Марик с мамой подъедут к нам. Зашли в пиццерию. Пицца вкусная и сытная. Её с удовольствием едят и взрослые, и дети.

Лина — про то, как проходят дни рождения сотрудников на работе. Стараются не повторяться. Заказывали сэндвичи в несколько метров длиной: по длине праздничного стола. Недавно заказали стрип-шоу для именинника. Пришла молодая, очень симпатичная девушка. Со своей музыкой. На час. Танцевала, по словам Лины, изумительно. Остались на ней две полосочки. Когда стала развязывать верхнюю, музыка остановилась. Стучала по магнитофону, была раздосадована, — хорошо сыграла. На день рождения сотрудницы — стрип-шоу с парнем. Танцевал, и остался на нём один треугольничек. Приходил как-то Дед Мороз. Однажды после заказа развеселить именинницу пришёл полицейский: «Где здесь такая-то?». Долго объяснял ей, какой штраф и за что она должна уплатить. Она не на шутку испугалась. Потом все долго смеялись. Полицейского не ждал никто.

Сослуживцы друг о друге не знают, кто сколько зарабатывает. Здесь так принято. Лина получает в неделю 475 долларов. Чистыми — 330. С учётом того, что компания берёт на себя расходы по медобслуживанию, это считается неплохим заработком для женщины.

За месяц до моего приезда Марику удалили камни из почек. Пролежал в больнице четыре дня. Предъявленный за лечение счёт на две тысячи долларов Лина отнесла на работу, там его оплатили.

«А тебя могут завтра уволить?» — спрашиваю. Лина: «От этого, конечно, никто не застрахован. Особенно, если нет профсоюза. Но для увольнения нужны основания. Как минимум — два прогула. Или доказательства, что я не соответствую должности. У нас есть один такой, который явно не тянет. Об этом знают все. Но Мори уволить его не решается. Парень может подать в суд, и если суд посчитает увольнение необоснованным, босс может потерять больше, чем теряет сейчас, держа его».

Приехали Марик с мамой. Переднее сиденье — мне: чтобы зрил красоты. Катались по вечернему Манхэттену. Огни. Реклама. Кругом кафе. И за стеклом, и прямо на улице — множество столиков. Свободных мест как будто бы нет, но нет и очередей...

Чем позже возвращаешься домой, тем тяжелей припарковать машину. Кружили в поисках незанятого места у бровки. Нашли — на другой улице, в нескольких кварталах от дома.

И здесь на лету замирают стрекозы.
Такой же свет от Луны колдовской.
В Нью-Йорке тоже растут берёзы,
совсем такие же, как под Москвой...

4 сентября, пятница

Мама встаёт в шесть утра. Готовит на всех завтрак. Марик уезжает в свой магазин в семь часов. Следом за ним уходит Боря. Он учится где-то в Манхэттене на десятимесячных курсах. Закончит — получит диплом техника по ремонту компьютеров. Образование обходится дорого. Обучение на этих курсах стоит пять тысяч долларов. Но так как семья считается малоимущей, Борис получил господство — две с половиной тысячи. Столько же ссудил ему банк. Выплачивать будет, когда начнёт работать.

Вчера Лина рассказала про одного своего сотрудника, который в сорок пять лет пошёл учиться в колледж, — произносят калледж. Он смог себе это позволить только теперь. Прежде не было денег на образование.

Хотя у Бориса своя машина, заниматься ездит на метро. Так поступают многие, — стоянка в Манхэттене очень дорогая.

Лина уходит на работу около восьми. Иногда, проводив Марика и Бору, успевает с полчаса ещё поспать.

По телевизору рекламируют всевозможные товары, от мебели до расчёски. Можно сделать покупку, не вставая с дивана: протяни руку к телефону, набери предложенный номер — тебе всё привезут на дом.

Вышли с мамой погулять. Часто дорогу перебегают белки. Сидят прямо на тротуаре. Я удивлён. Почему — не знаю. Ведь не крокодилов же, бегающих по улицам, думал здесь увидеть.

Мама — всем знакомым: «Это мой сын». Некоторые уже знали, что мать дождалась сына, поздравляли. Такие вести разносятся быстро. У многих в Союзе остались родные. Появилась надежда на встречу.

Местную газету на русском языке — «Новое русское слово» — раскупают быстро. Мама, отсчитав за неё продавцу пятьдесят центов, — мне: «Любую газету можно даже вечером купить, а русской — к обеду уже нет».

«В этом магазинчике, — показывает, — мы купили обои, когда делали ремонт. Зайди — увидишь: выбрать что-нибудь невозможно». Торговая площадь небольшая. На всех стенах, от пола до потолка, — образцы продающихся обоев. Не поленился, пересчитал их снизу доверху и вдоль стен. Перемножил. Получилось более тысячи. Оказалось, ещё не всё. Свободное место в центре магазина занимают стеллажи. На полках, вплотную, — большие альбомы с образцами обоев, которых в наличии нет, но можно заказать. Листая, стал соображать, сколько же получится, если количество образцов на листе умножить на число листов да ещё на количество альбомов... и бросил. Задумаешься, чья проблема разрешимей: здешняя — выбрать, или наша — достать.

По соседству и дальше вдоль улицы — тоже магазины, торгующие обоями. Мама: «Ну скажи, можно здесь что-нибудь купить? Сумасшедшая Америка!».

Ремонт у мамы сделали перед моим приездом, своими силами. А вообще, Лина как-то в письме рассказывала, что раз в два года, согласно контракту, ремонт производит хозяин дома. Занимается этим супер. Так называют человека, который живёт в этом доме и выполняет здесь все виды ремонтных работ. Обычно, делая заявку, жильцы оставляют ему ключи от квартиры.

В некоторых магазинах залежавшиеся вещи разложены по корзинам. На каждой надпись: «Всё по 3 доллара», «Всё по 5 долларов», «Всё по 1 доллару».

К обеду вернулся Боря. Рассказал, что зашёл сегодня в один офис, рядом с местом, где учится, и там ему предложили работу: разбирать почту. По три с половиной часа в день за 5.25 доллара в час; минимальная оплата труда в штате Нью-Йорк 3.25 в час. Борис воспользовался советом парня, который учится вместе с ним на курсах и подрабатывает в том офисе.

«И что ты решил?» — спрашиваю. «Не знаю, — отвечает, — надо посоветоваться с папой». Каждый день, пообедав, он торопится в магазин — помогать Марику. Прежде ездил после школы, теперь —

после занятий на курсах. Мама накормила его, и он тут же умчался на своей «тойоте».

Мама — о том, как ему купили машину. В день своего шестнадцатилетия Борис пошёл сдавать на права, — водить здесь разрешают с шестнадцати лет. Сдал с первого раза. Ездил на машине Марика, но хотел свою. В ответ слышал: «Сначала надо школу закончить». Вскоре заявил: учиться бросает, — не собирается терять полтора года. Сколько его ни уговаривали — не помогло. Но пообещал, что документ об окончании школы у него будет. Записался на какие-то курсы, больше месяца регулярно их посещал и сказал: «Считайте, диплом у меня уже есть». Мама: «Мы отнеслись к этому скептически и даже поспорили: если получит, машина у него будет. И вот открываю однажды почтовый ящик, а там — большой конверт. В конверте — диплом. Борис Броуда, 1968 года рождения... А ведь он семидесятого. Спрашиваем у него, почему неправильно указан год рождения. Смеётся. Говорит, что такие экзамены разрешают сдавать только после девятнадцати лет. Вообще, здесь многому верят на слово».

И купили Боре машину. Не новую, — новую ещё Марик себе не позволил, — 1982 года выпуска спортивную «тойоту», в хорошем состоянии. За пять с половиной тысяч долларов. Новая такая стоит намного больше.

После того как Борис получил диплом, он сам выбрал курсы, на которых будет учиться, сам оформил ссуду. Родителей только ставил в известность. Самостоятельный. Собирается посоветоваться с отцом насчёт работы, потому что знает: его помощь нужна в магазине.

Марик в течение года купил три машины, так получилось. Первую, в январе, — себе. Её украли на следующий же день. В ответ на мой вопрос: «А в полицию не обращался?» — только рукой махнул: бесполезно, мол. Ещё через день купил другую: «шевроле», на которой ездит сейчас. И третью — Борису. В доказательство того, что автомобиль необходимость, а не роскошь, Марик рассказал про своего знакомого, который живёт в небольшом городке. Тот парень разбил свою машину и два дня не мог добраться до работы. На третий его уволили.

У Бориса, когда он вне дома, всегда в кармане бипер: приборчик, размером со спичечный коробок. На входящие телефонные звонки

бипер откликается одним или другим сигналом. Когда из кармана раздаётся один сигнал, Боря знает: надо позвонить домой — возможно, мама волнуется, где сын. По другому сигналу звонит на работу Марику — нужен папе. Сам предложил родителям купить ему этот коробок.

Президента Рейгана здесь любят. Спрашиваю, за что. При нём уменьшилась инфляция. Мама: «При Картере цены на некоторые товары увеличились вдвое. На яйца, на сахар — втрое. При Рейгане цены почти вернулись к прежним. Снизилась безработица».

Горбачёва очень уважают, но боятся, ему помешают сделать всё задуманное. Мама: «Я молюсь на него».

Американцы одеваются просто; мама: «Если увидишь красиво одетого человека — это русский», — но каждый день стараются одевать если не новое, то чистое. Прийти на работу два дня в одном и том же считается дурным тоном. Лина: «Если приходишь в том же, в чём и вчера, делают круглые глаза: — Что случилось? Тебя обокрали? Дома был пожар?». В конце сезона вещи обычно выбрасывают. Нашим эмигрантам привыкнуть к этому тяжело. Почистить вещь стоит очень дорого. Имеет смысл заплатить чуть дороже и купить новую. Мама: «До недавнего времени комиссионных магазинов не было вообще. Русские это увидели и стали открывать магазины».

Бельё, рубашку, свитер Боря носит один день, иногда переодевается даже в обед, и бросает всё в стирку. Мама — мне: «Я иногда потихоньку достаю рубашку, чтобы он хотя бы ещё раз её надел. Это не его причуды. Здесь все такие ненормальные».

Лина стирает, как правило, перед работой: заливает в машину воду, засыпает порошок, включает и уходит. Машина стирает, сливает воду и набирает, полощет бельё, отжимает и выключается.

Позвонил Миша. Убеждал меня непременно побывать во Флориде; произносят Флáрида. Берётся это устроить. Благодарю его, но от мамы никуда уезжать не хочется.

Мама: «Два года назад Зоя и Миша съездили на десять дней отдохнуть во Флориду. Им там всё очень понравилось. Климат — особенно: круглый год можно купаться в океане. И купили там дом».

В девять вечера к нам зашёл Юра. Сказал, ему нужно купить себе костюм, — завтра идёт на свадьбу. Предложил всем прокатиться с ним. Лина, Марик, мама и я сели к Юре в машину. Повёз нас в

итальянский магазин. Из недорогих. Выбрал себе костюм — 130 долларов, рубашку и галстук. Несмотря на поздний час, подъезжают покупатели. Работающих круглосуточно магазинов и супермаркетов довольно много.

На обратном пути, около одиннадцати часов, попали на праздник итальянской улицы. Поставили машину, пошли посмотреть. Кругом огни, музыка. На тротуарах и на проезжей части — торговые лавки, закусочные, различные аттракционы: карусель, чёртово колесо, огромные рулетки, разнообразные тир. Призы: мягкие игрушки почти в человеческий рост — медведи, собаки и др.; куклы, пластинки, майки, плакаты, фотокартины. Людей столько, что пробираемся с трудом. В большинстве молодёжь, четырнадцать — семнадцать лет. Многие уже с призами. Будут гулять до поздней ночи. Полицейские стоят на дальних подступах к перекрёсткам: движение перекрыто. Оказывается, у выражения «будет и на нашей улице праздник» есть и прямой смысл...

Мама рассказывает. Первого мая папе стало плохо. Поднялась температура, заболел живот. Отвезли его в частную больницу, где был знакомый врач. На следующий день прооперировали. Удалили гной, который шёл от почки. Папа стал поправляться, уже думали о его выписке. Но всё повторилось, и 27 мая сделали вторую операцию. Тот знакомый врач помог устроить консультацию у какого-то известного профессора, индуса. Берёт за приём 300 долларов, но попасть к нему очень тяжело. Профессор сказал, почку нужно немедленно удалить.

Роля, брат отца, настаивал, чтобы папу перевели в другую больницу — государственную. В частной, как говорят, могут сделать на самом высоком профессиональном уровне ненужную операцию, взять за неё круглую сумму и сказать, что спасли человеку жизнь; и всё-таки спасают — испытывая конкуренцию, дорожа репутацией. Поэтому надо знать мнение хотя бы ещё одного независимого врача.

Мама с Ролей не соглашалась. По её словам, папа лежал в отдельной палате и смотрели за ним как за ребёнком. А в государственной больнице помощи можно и не дожидаться.

Роля выпалил маме, что она преследует какие-то цели, хочет смерти мужа. И мама послушалась.

В другой больнице отца положили в общую палату, собирались провести новые обследования перед операцией. Но не успели. Или не очень торопились. На второй день отец умер.

Мама: «Роля с тех пор не заходит, не звонит. Я тоже не звоню. Хотя зла на него не держу, он сказал это сгоряча. Но не могу себе простить, что послушала его».

Кладбище далеко. Поедем в воскресенье, когда Марик будет выходной.

5 сентября, суббота

Однодневная автобусная экскурсия в Вашингтон. У нас было два билета. Поехали с Линой. Маму не уговорил. Она долго ходить не может, быстро устаёт. Пообещала, что поедет со мной по Нью-Йорку, — Лина купила два билета на тринадцатое сентября.

В Нью-Йорке несколько частных турбюро, которые проводят экскурсии для русскоязычных туристов. Большой популярностью пользуются Ковалёвы. Но на субботу свободных мест на Вашингтон у них не оказалось. Поехали с их менее известными конкурентами. Они собирали две группы: одну — в Канаду, вторую — в Вашингтон. Лина накануне: «Давай в Канаду? Посмотришь Ниагарский водопад». «Нельзя, — говорю, — могут быть неприятности». Мама: «Нет-нет, я хочу, чтобы он смог приехать к нам ещё». Лина — мне: «А что может случиться?», маме: «Ты вспомни, на границе документов не проверяют».

Из Нью-Йорка выехали в семь утра. В автобусе — гости из Союза и бывшие советские граждане. Экскурсоводу Саше 32 года, полтора года в Америке. Говорит много. Приводит цифры. В Нью-Йорке живёт около сорока тысяч бывших граждан Советского Союза, в США — около двухсот тысяч. В Нью-Йорке три миллиона евреев...

На полпути останавливаемся у придорожного кафе — перекусить. Разговоры, знакомства. «Вы здесь в гостях?». «Откуда?». «К кому?». «Долго ждали разрешения?».

Когда подъезжали к Вашингтону, Саша признался, что это его первая экскурсия в столицу.

В 12.20 остановились у Белого дома. По субботам он открыт для осмотра. Пристроились к очереди. Оказалось, тут все с билетами. А

кассы уже не работают. Если бы выехали из Нью-Йорка на полчаса раньше или стояли меньше в дороге, успели бы. Один из раздосадованных туристов — Саше: «Кто же так устраивает экскурсии? Вам нужно иметь человека в Вашингтоне, который встречал бы группу уже с билетами». Другой: «Надо было ехать с Ковалёвыми».

Белый дом — небольшое скромное здание. На телеэкране выглядит гораздо внушительней. Мама, папа и Боря в 80-м году попали с экскурсией внутрь. Мама рассказала, их удивила простота всех комнат. Никаких излишеств. Правда, на второй этаж не приглашают.

У Белого дома и в местах, где много туристов, можно за пять долларов сфотографироваться с улыбающимся президентом Рейганом и его супругой. Туристы так и делают: по-дружески обнимают их фанерные фигуры.

Напротив Белого дома, за щитами с призывами к миру, к разоружению, живут разного возраста люди. Несколько групп. Несколько одиночек. Прямо на асфальт брошен старый-престарый полосатый матрас. На нём — бородач. Наливает себе кофе из термоса. Невдалеке стоит скучающий полицейский. Неожиданно, когда мы с Линой фотографировались на фоне Белого дома и разговаривали между собой, ко мне подошла немолодая женщина и негромко так, по-русски: «Ми-и-ир». Я, растерявшись, в ответ: «Мир». Смотрим — глаза в глаза, улыбаемся друг другу и молчим. Хрупкая американка, взывающая о мире, и я, праздно шатающийся турист.

Водитель нашего автобуса тоже первый раз в Вашингтоне. Долго кружит, пока находит стоянку. Сфотографировались у Капитолия, у здания Верховного Суда. Далее — в Национальный музей воздухоплавания и космонавтики. Выставлены самолёты, начиная от самых первых моделей. Ракеты. Спускаемые аппараты космических кораблей. Состыкованные «Аполлон» и «Союз». Посмотрели здесь же стереофильм «Лётчики». Несколько раз во время «полёта» невольно удерживал под собой кресло, чтобы не уходило.

Когда было свободных полтора часа, пошли с Линой в Национальную галерею искусства. Осмотреть успели до половины. Общее впечатление: бедноват. В области космонавтики, техники достижения куда значительнее.

К назначенному часу все собрались в автобусе. Подъехали к мемориалу Вашингтона. Это каменная колонна, высотой, по словам Саши, более ста шестидесяти метров. Вокруг неё — зелёный газон. Огромный. На открытой эстраде — концерт. Идёт сбор средств для голодающих детей. Несколько десятков зрителей — на стульях, на траве. Ходит девушка с бланками. Протянула нам. В анкету нужно было вписать имена и адреса голодающих детей.

Многие наши туристы и Саша стали в длинную-длинную очередь — подняться лифтом на высоту этих самых ста шестидесяти метров.

Мы с Линой гуляли.

Падали каштаны.

...На вашингтонских тенистых аллеях
мерещилось: не киевских прохлада ли?
Да нет же, я в другой стране...
И снова: «Где я?» —
когда каштаны в ноги падали.

Среди туристов много инвалидов и престарелых в креслах-колясках. Каждого кто-то везёт. Одна пожилая дама обходится без посторонней помощи: кресло самоходное.

В местах, где многолюдно, — передвижные кабинки-туалеты. Сделано очень культурно. На некоторых кабинках спецзнак: человек в коляске. Для инвалидов.

Последняя остановка автобуса — мемориал Линкольна. Вообще, гораздо быстрее было бы ходить пешком, чем ездить, как мы, кругами, — всё, что осмотрели, находится на обозримом расстоянии между Белым домом и Капитолием.

Позвонили с Линой маме в Нью-Йорк, — любой уличный телефон автоматически связывает с абонентами, находящимися во всех концах страны. Позвонить можно и без денег, через телефонистку, — нужно согласие собеседника взять оплату на себя.

«Мамочка, мы скоро выезжаем, — говорю. — Да, мы ещё в... — и запнулся: страшно даже произнести, где нахожусь, — в Вашингтоне».

В обратную дорогу выехали после семи вечера. Начался дождь.

Саша не умолкает. Подрабатывает статьями в газетах. Увлечённо рассказывал о третьей волне эмиграции из России. За восемь — десять лет многие, мол, добились того, чего эмигранты из других стран не достигают за всю жизнь. Американцы удивляются. Об этом пишут. По словам Саши, 30–35 процентов таксистов Нью-Йорка — бывшие граждане Союза. Очень много программистов.

Сзади сидела супружеская пара — туристы из Израиля. В разговоре со своими соседями слева выказали себя патриотами. Хотя знают и видят, что материальный уровень жизни в Америке выше, чем в Израиле, ни за что не перебрались бы сюда, где все твердят одно: деньги, деньги, деньги.

В Нью-Йорке были в полночь. Собрали водителю по доллару с каждого. Так принято.

6 сентября, воскресенье

На кладбище к папе поехали все вместе: мама, Лина, Марик, Боря и я. Завернули, как договорились, на бизнес к Муркисам — за Мишей. Их вывеска гласит, что это магазин-пекарня, европейский и американский. Изображён торт с зажжёнными свечами. Под ним надпись: KIEV.

Небольшой по площади магазинчик. За прилавком Поля. От витрин с разноцветными коробками, пакетами, банками, конфетами в пёстрой упаковке рябит в глазах. Есть и московские конфеты: «Белочка», «Мишка косолапый». Поля завела меня в пекарню. Такая же небольшая комната. Трудится здесь человек десять. Юра достаёт из печи противни. Женщины разделявают тесто. Я представлял себе это хозяйство в несколько раз больше.

Миша сел в свою машину, поехал следом за нами. Кладбище еврейской общины. Находится в Стейтен-Айленде, одном из районов Нью-Йорка. Сделали крюк, — движение перекрыто: праздник улицы. В тихом безлюдном квартале остановились у цветочного магазина.

Сначала к могиле Мишиной мамы — тёти Сони. Миша подстриг на могиле кусты.

Затем к папе.

Иосиф Дижур. 12 июня 1912 — 23 июля 1981...

Выкопал ямку, посадил цветы.

Постояли. Помолчали. Потом я остался один...

Обычно в выходные Марик, Лина и мама ездят по магазинам, делают покупки. Марик присматривается к товарам, к ценам. Берёт кое-что для своего бизнеса: по две-три штуки из тех предметов, которых у него нет. Покупает, если даже на этом ничего не зарабатывает. Поясняет мне: «Вдруг спросит кто-нибудь. Покупатели не любят, когда им отвечают “нет”, могут больше не прийти. В магазине должно быть всё». Это я уже видел: в аптеке — обувь, журналы и проч.

Купили Антоше* ранец. Его, тульский, очень тяжёлый.

О Зое и Мише. Начинали бизнес с того, что сняли маленькое помещение, отремонтировали его, поставили столики и принялись готовить. Сначала делали только пельмени. Затем в меню появился борщ. Обслуживали в основном эмигрантов из Союза. Через год продали свой бизнес, купили небольшой продовольственный магазин. Со временем стали специализироваться на выпечке тортов и кондитерских изделий. Опять продали своё дело и купили тот магазин-пекарню, где работают сейчас. Все эти годы они ищали, как мама говорит, по двенадцать и более часов ежедневно, почти без выходных. Случалось, и сутками не уходили домой. Затем решили: всё, хватит, могут безбедно теперь прожить до конца дней. Продали своё предприятие за тридцать тысяч долларов. Объездили Европу и Америку. Отдохнув, сказали себе: пока силы есть, надо работать. Откупили половину своего последнего бизнеса у одного из двух его новых хозяев. При этом заплатили сорок тысяч. Второй компаньон свою часть не уступил. Только через два года — в прошлом году — её приобрели уже за сто тысяч Поля с Юрой и Рита с Яном. Затем Зоя и Миша отдали детям половину своей части. Пришли к такой оплате труда: каждый получает свою почасовую зарплату, а оставшийся доход три семьи делят в пропорции 3:3:2.

* Сынишка.

В начале года каждая американская семья составляет отчёт о своих доходах и расходах за прошедший год, после чего платит соответствующий налог или получает дотацию. Марик и Лина за прошлый год получили возврат — две тысячи долларов. У них были большие расходы: покупка дома и магазина. Поощряются траты? Мама получила 260 долларов.

7 сентября, понедельник

Сегодня праздник: День труда. Лина не работает. Боря не учится, но встал рано утром, позавтракал, собрался открывать магазин. Сказал Марику: «Отдохни, я сам справлюсь. Мы все — мама, Лина, Марик и я — приехали туда позже, около десяти часов. На улицах людей мало, меньше и покупателей.

Магазин у Марика невелик, таких здесь большинство. Торговая площадь 25–30 кв. м. Тесновато. Стеллажи — по стенам и в центре — заставлены очень плотно. Здесь всё: галантерея, игрушки, канц- и хозтовары, бытовая химия, фотоаппараты, настенные часы, поздравительные открытки, специи, сигареты, спортобувь и прочее. По словам Марика, этого добра у него на сто тысяч долларов. Оборот — более четырёхсот тысяч в год. Свой годовой доход Марик сейчас оценивает в тридцать тысяч. Поясняет, что точному учёту заработок не поддаётся. Деньги вкладываются в товар, возвращаются не сразу, а по мере выручки опять вкладываются. Трудится по двенадцать часов, шесть-семь дней в неделю. Пять лет без отпуска. Говорит: «Когда работаешь на себя, отдыхать себе не даёшь. И как расслабиться, если каждый месяц нужно выкладывать две тысячи банку». Помимо этого долга и зарплаты рабочим ежемесячно платит налог — 400 долларов — за то, что два человека заняты у него полный трудовой день; 100 долларов — за вывоз мусора. Марик: «Ещё столько же набегает штрафов: обычно мусора больше, чем положено». 100–150 долларов — за телефонные разговоры. За электричество, в зависимости от сезона, — ещё 100–300.

Практически всё лето — а в Нью-Йорке оно бывает очень жаркое — в магазине работает кондиционер. Без этого нельзя рассчитывать на хорошую торговлю. Покупатели не пойдут в душное помещение. И наоборот, разомлевший прохожий зайдёт просто остыть, и глядишь,

купит что-нибудь. Кондиционеры везде. Поэтому жара не так тяжело переносится. К примеру, Марик выходит из квартиры — своей или маминой, — где работают кондиционеры; садится в свою машину, где тоже включает охлаждение; едет на свой бизнес, и там прохладно; потом — в банк, и там свежо. Колоссальные площади супермаркетов охлаждаются до такой степени, что облегчение испытываешь дважды: сначала входя, а затем, нагулявшись и озябши, опять попадая в зной.

В магазине у Марика работают две итальянки: Марта и Розен. Очень улыбчивые. Марик: «Ругаются иногда между собой, потом целуются». В предпраздничные дни, когда торговля идёт бойче, приглашает в помощь паренька лет пятнадцати, живущего по соседству с магазином. Оплата у всех почасовая. Кто сколько получает, друг о друге не знают.

Марта стоит на кассе. Обязанности Розен — подносить, выставлять товар, который раскупается, убирать в магазине. Если образуется очередь в три-четыре человека, — такое бывает нечасто, — Розен становится за вторую кассу, чтобы скорее всех обслужить. Марик: «Покупатель заглядывает, и если видит очередь, уходит: зайдёт в соседний магазин. У меня есть и третий аппарат, запасной. Помогает, когда один из двух ломается». «А зачем он? — спрашиваю. — Разве нельзя починить сломавшийся?». «Можно, — говорит. — Я и вызываю мастера. Но он придёт лишь на следующий день. Третья касса и выручает. Она себя оправдывает: покупателей терять нельзя».

Марик занимается заказом товара; ездит за ним и сам. Но бóльшую часть времени работает языком. Посетителя нужно встретить, вовремя пошутить, справиться: у кого — о здоровье, у кого — о семейных делах, помочь выбрать нужную вещь.

В магазин зашли две девушки. Спросили, сколько стоит фотоплёнка. В ответ услышали: «Четыре доллара». Оживлённо поговорили о чём-то и вышли. Марик мне перевёл: «Они купили такую же плёнку в аптеке — это здесь, рядом — за шесть долларов. Пошли возвращать». «А примет аптекарь?» — спрашиваю. Улыбается: «А куда он денется?». В самом деле, девушки вернулись, купили плёнку дешевле.

За хозяина остался Боря, а Марик повёз нас — Лину, маму, но конечно сделал это для меня — на экскурсию по магазинам.

Здесь же, в Бруклине, — невзрачное снаружи здание. Не останавливаясь, поднялись машиной на третий или четвёртый этаж: стоянка на каждом. Торговые площади огромные. Тут же кинотеатр, кафе, фонтаны. Сюда приходят не только за покупками, — приходят отдыхать.

Магазин SYMS. Из недорогих. Следуют пояснения Марика о том, что в дорогих магазинах продаются товары известных фирм. Там работают с каждым покупателем. Если вещь приглянулась, непременно есть и твой размер. Когда же партия заканчивается, оставшаяся её часть уступается по более низкой цене одному из магазинов, подобных SYMS'у, где такой же товар того же качества стоит намного меньше. Во-первых, потому что владельцам он обошёлся дешевле. Во-вторых, тут покупатель сам себя обслуживает: выбирает, что ему надо. Мама: «Обычно мы покупаем себе вещи здесь».

Вдоль стены тянется стеллаж с мужскими рубашками. Разделён на ячейки. В каждой по пять — семь сложенных одна на одну рубашек. Прошёл вдоль стены, отыскал свой размер и первым делом сосчитал ячейки. Сто двадцать. Из просмотренных мной рубашек одинаковые попались раза три-четыре. Покупатели сами берут их с полок и разглядывают. Мало кто кладёт на место, — оставляют на прилавке. Увидел служащую: идёт вдоль стены; терпеливо молча складывает брошенный товар и вновь помещает в ячейки. Я смотрел на это действие, уже ничего вокруг не замечая. Оставалось неясным, что она делать будет, когда дойдёт до конца стеллажа. Догадка мелькнула, но я отбросил её как нереальную. Своим я сказал, сейчас их догоню. Дождался: вернулась в начало и занялась тем же. Гениально...

Такой же выбор платьев, брюк, джемперов и прочего. Я понял: дотрагиваться мне лишний раз ни к чему не следует. Рядом оказывается Лина или мама: «Тебе нравится?». И тут же: «Всё, берём!». Приходится убеждать, что мне эта вещь не подходит.

Неожиданно большая очередь платить. Сегодня в магазине распродажа по сниженным ценам: скидка на всё 25–30 процентов. Мы со своими покупками выглядели очень скромно. У большинства стоящих к кассе — в руках по пять и более предметов.

Марик продолжает посвящать меня в тонкости торговли. Такие магазины, как этот, в свою очередь уступают единицы нераспро-

данного, залежавшегося товара, некондицию, — например, пиджак без пуговицы, — более дешёвым, обычно небольшим магазинчикам. Их владельцы работают уже с каждой вещью. Зная своих клиентов, их вкусы и финансовые возможности, даже намечают потенциальных покупателей. Лина, по субботам, когда помогает Марику торговать и сама становится хозяйкой, непременно бывает в одном из таких магазинчиков, что поблизости. Редко возвращается без покупок. Радует, если хорошую вещь приобретает недорого. Иногда по субботам хозяин того магазина сам заходит за Линой: есть кое-что для неё. Это служит Марику поводом для насмешек. Но как бы оправдывая её, когда Лина не слышала, сказал: «Она получает удовольствие. И пусть. У каждой женщины есть свои слабости».

Поехали дальше. Деленси — торговая улица в Манхэттене с такими же оживлёнными, прилегающими к ней улочками. Район популярен среди туристов из Европы. Хозяева многих магазинов тут поляки, русские.

Коля продаёт верхнюю одежду: шубы, куртки, пальто. Продаёт дешевле, чем его конкуренты. На видном месте здесь — фотографии советских артистов, космонавтов с их автографами. Когда говорят «купил у Коли», все знают, где это.

Дорогой обувной. Отделан мрамором. 200–400 долларов пара обуви. Образцов же выставлено два десятка, не более. Принадлежит магазин трём братьям. Марик хотел познакомить меня с младшим, который окончил Тульский политехнический институт, но его тут не оказалось. У братьев несколько магазинов. Один из них, недорогой, — в Бруклине.

Лина рассказывает, первое время не знала, где купить вещь и подешевле, и получше. Так в первый или второй летний сезон здесь, в Нью-Йорке, точно не помнит, купила себе босоножки. Отдала за них 50 долларов. Проносила всё лето. Как-то по дороге на работу оступилась и одна бретелька на туфле оторвалась. Сотрудницы увидели это и спросили, где были куплены босоножки. Услышав ответ, оторопели, — магазин очень дорогой; убеждали пойти и обменять их. Такие магазины дорожат своим именем и отвечают за качество товара. Лина никак не могла решиться, но набралась-таки храбрости. Пришла и видит, что босоножки уже по 30 долларов: конец сезона. Рассказывает служащему о своей беде и спрашивает, как быть.

Тот: «Можно обменять на новые. Но они сейчас дешевле. Я бы посоветовал вам получить сначала деньги». Лина так и сделала. Продолжает: «Когда у меня в кармане появились пятьдесят долларов, я уже рассудила по-другому. Теперь я знала, где можно купить босоножки не хуже, но за семь долларов»...

На вечер были приглашены к Гене и Алле Слуцким; Гена — двоюродный брат Марика. Они живут в США с 78-го года, бывшие киевляне. У них двое ребят: Дима родился ещё в Союзе, Джессике три года.

У Гены и Аллы свой дом. Первый этаж сдают. На втором — большая гостиная. На верхнем этаже — четыре комнаты. Одна из них — Димы, в голубом цвете; одна — Джессики, в розовом; спальня хозяев. В доме очень уютно. Купили его несколько лет назад за 96 тысяч долларов. По нынешним ценам это необыкновенно дешево. Взяли кредит в банке. Первый взнос был 25 тысяч. Кредит на тридцать лет. За это время выплатят сумму, почти в три раза превышающую стоимость дома.

Гена работает в компании по ремонту бытовой электронной техники. Получает в среднем 600 долларов в неделю. «Часто перерабатываю, — говорит. — Просят задержаться на час-два. Я соглашаюсь: оплата за каждый час полуторная».

Алла сидит дома с Джессикой. Местные детсады с советскими не сравнить, о чём все мамы сожалеют. Ребят в садах кормят всухомятку: что-нибудь из баночек с детским питанием, соки, молоко, печенье, — кухни нет. Дневного сна тоже нет. А месячная плата за ребёнка — 200 и более долларов. Поэтому детей растят преимущественно дома. Семьи же, где матери работают, охотнее платят больше, нанимая для детей няней — бебиситтеров по-здешнему, — если бюджет, конечно, позволяет.

У Гены своя машина, у Аллы — своя. В районе, где они живут, общественного транспорта нет. Иначе как на машине к ним не добраться.

Медстраховка семьи обходится им ежеквартально в 500 долларов. Медицинская помощь невероятно дорогая. Все боятся врачей: могут раздеть. Врачами пугают детей. Те, кто не имеют бесплатного медобслуживания, предпочитают страхование.

Хотя многого Алла и Гена позволить себе не могут, каждый год они на одну-две недели ездят куда-нибудь отдыхать. В этом году были на Ямайке. Пока мы смотрели отснятый там фильм и разговаривали, Гена запечатлел и нас. Тут же достал кассету из камеры, вставил её в видеоприставку, и вместо красот Ямайки и шума водопада мы услышали и увидели в цвете себя. Гена — маме обо мне: «Когда он уедет, будете смотреть и вспоминать».

Пришли родители Аллы и её дед.

За столом — разговор о преступности. Многим темнокожим нравятся зимние мужские шапки наших эмигрантов: снимают прямо с головы — на улице, в метро. Мама: «В Америке шапок из натуральных мехов почти не носят. А таких, как наши мужские, здесь вообще никогда не было. Сначала американцы очень удивлялись, оглядывались, будто мы горшок на голову надели».

У деда Аллы один темнокожий отобрал шапку из рук уже в доме, около лифта. Дед: «Я предусмотрительно снял её и сжал двумя руками. Но он тоже взялся за шапку и молча потянул её к себе». «А в полицию, — спрашиваю, — не обращались?». Илья, отец Аллы: «В полиции в таких случаях говорят: “Вам что, нужен акт?”». Все стали вспоминать различные происшествия с родными и знакомыми.

Когда мы собрались уходить, Гена подобрал для меня несколько видеокассет, и в этот же вечер, вернее ночью, я посмотрел дома два фильма. Сначала — про первобытных людей; через эволюцию полового акта показано очеловечивание полуобезьян. Второй фильм — «Москва на Гудзоне», о советских артистах цирка, приехавших на гастроли в США. Артисты одержимы одной мыслью — остаться. Крамаров играет сотрудника КГБ. Матерится. Надо думать, это была кинокомедия. Чувство такое, что тебя облили грязью. Но если успокоиться и попробовать отмыться, окажется, отмывается не всё.

8 сентября, вторник

Марик, Боря, Лина позавтракали, уехали. Мы с мамой пошли проведать её двоюродную сестру, Еву. Это недалеко, в нескольких кварталах.

Ева старенькая, почти слепая. Приехав в США около десяти лет назад, не работала здесь ни дня и так же, как мама, имеет бесплатное

медобслуживание, получает пособие. Кто не работает, тот тоже должен есть. Ева живёт одна. На той же лестничной площадке — квартира её племянника Шурика и его жены.

Для ухода за нуждающимися в посторонней помощи специальная городская служба сначала определяет, сколько часов в день каждому из таких нуждающихся необходима помощь, подбирает для этой работы людей и оплачивает их труд. Те, кто катят в креслах-колясках инвалидов и престарелых по улицам и скверам, — не их родственники, как я поначалу думал, а люди, находящиеся на работе. Но опекуней над Евой до недавнего времени как раз была оформлена её родственница: дочь Шурика. Она уже давно не живёт в Нью-Йорке, где-то учится. Деньги же получала исправно. Два-три раза в месяц, не чаще, Еву навещает жена Шурика, — покупает кое-что для неё, убирает в квартире. Еве приходится самой выходить за продуктами. Хозяин ближайшего магазина всегда переводит её через дорогу, помогает сделать покупки.

Ева никому не жаловалась, молчала. Но обман стал как-то известен. В таких случаях могут лишить помощи. Однако обошлось. И сейчас её куратор подыскивает ей опекушу. Ева просит найти женщину, говорящую по-русски или по-польски, чтобы понимать друг друга.

На содержании государства находятся многие. Это и матери-одиночки, и все нетрудоспособные.

Немало и злоупотреблений. Случаются фиктивные разводы для получения пособий для детей. Одного такого папашу из наших эмигрантов мама показала мне. Мы его уже несколько раз встречали днём на улице. Он посчитал: если развестись, можно не работать. Жена кормит и детей, и его. Кое-кто пользуется тем, что относительно несложно, будучи здоровым, занять справку о нетрудоспособности.

Разумеется, деньги эти не с неба падают. У работающих вычеты из зарплат огромные. Размеры налогов зависят от заработка. У Лины они около тридцати процентов. У Гены — до тридцати пяти. В то же время часть этих денег возвращается плательщикам, — идёт на их пенсионное обеспечение.

Не раз уже слышал здесь поговорку: «В Америке хорошо бедным и богатым: за бедных платит государство, богатые могут платить за себя сами». Тяжелее всех приходится, мол, среднему классу. Вот ещё

расхожая фраза: «Самые богатые люди здесь — врачи, юристы и программисты».

Когда узнают, что я работаю программистом, таращатся и первым делом спрашивают: «А знаешь, сколько ты здесь можешь зарабатывать?». Сулят богатство.

На 4 часа была назначена встреча у зубного врача. Мама настояла, чтобы мне сделали зубы: «Это самое главное. Будут зубы — будет здоровье». Врача, Юру, ей порекомендовала одна знакомая, которая у него лечилась. Мама с ним созвонилась накануне. По словам той же знакомой, Юра одно время после Союза жил в Израиле, в США переехал недавно.

Вышли из дома с мамой за час до назначенного времени. Моросил дождь. Долго ждали автобуса. Сначала стояли одни. За полчаса к остановке подошли ещё двое. Автобусы государственные. При входе опускаешь в кассу один доллар. Мама платит 50 центов. На некоторых дальних маршрутах курсируют частные автобусы-эксперессы. Там стоимость проезда 3–4 доллара.

По адресу, который был записан у мамы, — двухэтажный дом на две семьи. Нашли нужную дверь, позвонили. Поднялись на второй этаж, в приёмную. Юре около тридцати пяти лет. Представился. Спросил, как зовут меня. Поинтересовался, откуда я, надолго ли. Показался мил.

Пригласил в кабинет. В кресло. Осмотрев рот, сказал: «Десять единиц поставить, три лечить». На листе бумаги быстро прокаль-кулировал и назвал сумму: 1420 долларов. Я вскочил: «Мама, пойдём отсюда!». Она — мне: «Сиди», Юре: «Дорого». Он, пожав плечами, очень спокойно: «Мы же ещё не при коммунизме». Дальше — ещё один аргумент: «Вы же знаете, наверное, сколько берут за такую работу другие». После паузы: «Тысяча четыреста». Мама: «Хорошо». «Не хочу я этого! — говорю. — Ты же разоришься!». Мама: «Я тебя очень прошу, сядь».

Юра сделал рентген трёх больных зубов. Предварительно надел на меня — по самое горло — свинцовые латы. Рассмотрел снимки. После укола в нёбо дал мне отдохнуть минут пять. Обточил зубы; они охлаждались во время обработки водой и воздухом. Один из них вылечил. Боли не было. Трубка, закинутая за губу, всё время отсасывала слюну и воду. Со стороны Юры — предельная вежливость.

Периодически спрашивал: «Может быть, отдохнём?». Снял слепки с челюстей. Поставил временные коронки. Работал три часа. Звонила Лина, узнавала, когда мы заканчиваем: за нами приедет Борис. Юра предложил встретиться через неделю, во вторник, — будет примерка мостов в металле. Предложил назвать удобное для нас время. Сделал запись у себя в журнале. Мама оставила задаток — 400 долларов. Пометил и это.

Настроение прескверное. Не зубы — душа болит. Зачем я согласился? Такие бешенные деньги.

Лина, когда узнала, сколько мне зубов нужно протезировать, и сумму, которую запросил Юра, была очень удивлена: так дёшево. Это не успокаивает.

Зашла Поля. Опять, возвращаясь с работы, занесла нам разных сладостей. Изделия их необыкновенно вкусные. Тоже спросила про зубы и тоже удивилась, как мало взяли с нас. Врачи, имеющие патент, берут по 250–500 долларов за зуб. Чтобы получить патент, нужно сдать экзамены по английскому языку и специальности. Разговаривая с кем-то по телефону, Юра обмолвился, что готовится к экзамену по языку.

Боря сегодня первый день работал. «Как ты без Бориса будешь управляться?» — спрашиваю у Марика. «Обойдусь как-нибудь, — говорит. — Пусть привыкает работать в коллективе».

Приходила соседка с верхнего этажа — со мной познакомиться. Напомнила маме о Стене, которая помогла нам встретиться.

В Иерусалиме есть Стена Плача. Древняя, иссечённая ветрами, временем. Исполняет желания. В ней множество дыр, куда паломники со всего мира вкладывают свои записки. Мама, когда была там год назад, попросила у Стены встречи с сыном.

9 сентября, среда

Утром поехали с мамой автобусом к океану, на Брайтон-Бич. Зашли в небольшой книжный магазин «Чёрное море». На полках — только русскоязычная литература. Уйти ни с чем было очень тяжело, но и купить ничего не решился. Услышал изнутри голос таможенника: «Низ-зя! Издания чужие. Будут неприятности». Да и дорого. В магазине продаются билеты на концерты Аркадия Райкина.

Встречают его здесь очень тепло. Любят и хотят видеть. На афише — аршинными буквами фамилия Жванецкого. Ждут в ноябре.

Широкой улицей вдоль всего берега тянется деревянный настил. Много скамеек, но безлюдно. Сидели с мамой, глядя в океан. Почему-то кажется, привстану — увижу другой континент. Меня ждут на том берегу. Какая маленькая под ногами планета...

Спустились по лестнице на песок, пошли к воде. Оказалась тёплой. Тогда почему нет людей? Мама: «Уже не сезон». Странно. Многомиллионный город, погода чудная, замечательный песчаный пляж — и пусто. Неужели все зарабатывают деньги? Вернулись к скамейке, ещё посидели на солнышке. Хорошо, спокойно с мамой. Чувствую себя, как прочно поставленный мост. У меня и на том берегу опора, и на этом...

Изредка мимо проходили пожилые люди и молодые мамы, гуляющие с детьми. Большей частью звучала русская речь.

Дети эмигрантов из Союза говорят здесь так: слово — по-русски, слово — по-английски. Да и у тех, кто приехали сюда в зрелом возрасте и прожили тут с десяток лет, проскакивают уже английские слова, появляется лёгкий акцент. В свою очередь некоторые американцы, живущие на Брайтон-Бич, кое-что понимают по-русски.

На обратном пути зашли с мамой в один из русских продовольственных магазинов. К прилавку подошла американка. Слыша вокруг незнакомую речь, громко спросила: Does anyone speak English here?*

Каждый день в почтовом ящике — три-четыре письма, рекламные листки. Корреспонденция извлекается из ящика и тут же сортируется, — многое выбрасывается нераспечатанным, нечитанным. «Что ты выбросила?» — спрашиваю у мамы о пухлом невскрытом конверте. «Предлагают играть в какую-то игру, — отвечает. — Можно потратить несколько долларов и выиграть очень много денег». Боре вот уже восьмой год шлют какую-то религиозную газету. Она сразу отправляется в мусор.

Среди писем, пришедших сегодня, одно — извещение маме, что ей прибавили фудстемпы. Раньше получала 21 доллар в месяц, теперь

* Здесь кто-нибудь говорит по-английски?

будет получать 32. Спрашиваю, почему так. Мама: «Наверное, из-за инфляции». Постоянно повышается и пособие: за семь лет выросло почти вдвое.

Одно письмо Борису. Он распечатал его за ужином. Послание на бланке, фамилия вписана от руки. Предлагают идти служить в армию. «Как ты к этому относишься?» — интересуюсь. «Можно было бы пойти, — сказал. — Деньги платят хорошие и льгот много. Но там тяжело первые месяца четыре».

На политические темы, о международных конфликтах говорить очень трудно, — взгляды на многие вещи прямо противоположные. Споры, которые несколько раз возникали, заканчивались ничем. После них только тяжесть на душе. Самые близкие люди, вдруг отдаляемся, отчуждаемся друг от друга. Кто нас такими делает? Зачем? Чтобы нас развести? Лучше не спорить об этом, да и спорщик из меня никудышний: доказать ничего не могу.

Нам навязали эту перестрелку, —
всучили каждому ружьё. Ах как же нас надули!
Вот и чудно, что по Нью-Йорку скачут белки,
такие же, как в Туле.

Мама — про кукол, которые первое время стоили 400 долларов. Даже за такие деньги купить их было крайне тяжело. Значит, случается и здесь дефицит? Куклы-дурнушки. Просят есть и пить, спать и гулять. Разговаривают как живые. Уложив её, например, можно услышать: «Спасибо, мне так гораздо лучше». Продаются с полным гардеробом, со свидетельством о рождении. Поломается — выдают свидетельство о смерти. Сейчас недостатка в них уже нет и цены упали.

Марик — о том, что тяжело быть хозяином: «Рабочие постоянно просят повысить зарплату. Можно, конечно, сказать “нет”. Но я объясняю: плата зависит от того, как мы трудимся. Рассказываю о своих доходах. Если их заработок будет расти, а мой начнёт падать, я лучше магазин продам. В то же время, не устроит зарплата их, — могут уйти. И с этим надо считаться». Обычно жалование здесь повышают ежегодно, перед Рождеством. Иногда совсем немного, но

увеличивают. С первого сентября Марик поднял часовую ставку Марте. Розен о прибавке не знает.

У мамы двадцать восьмого сентября день рождения. И самое позднее в этот же день мне нужно улетать: следующий рейс на Москву только первого октября, а мой крайний срок возвращения в СССР истекает тридцатого числа.

10 сентября, четверг

Лина взяла выходной в счёт отпуска. Поехали с ней в Манхэттен, в Метрополитен-музей.

Музей большой, в три этажа. Цена билета пять долларов.

На первом этаже — гробницы, сфинксы, древние украшения, амфоры, скульптуры.

Афродита, римская копия с греческой работы V века до н. э.

Так что же птицы в жерлах пушек не свили гнёзда?!

Ведь Афродиты Ленинграда и Нью-Йорка — сёстры.

Пусть говорят: мы разных вер и разных идеалов.

Какая чушь!

Богини красоты с одних и тех же, греческих, оригиналов.

На втором этаже — живопись. Ренуар, Дега, Рубенс... Надолго задержал Марк Шагал: The Lovers — целующиеся влюблённые, у него на голове растут цветы, она голая; The Market Place — на площади трактиры, запряжённая в телегу лошадь. Остановила «Женщина в белом» Пикассо.

Роден: The Thinker — Мыслитель; Eternal Spring — такая же весна в Ленинграде; The Hand of God — Рука Бога; Бога нет, но есть рука, вертикально, в которой двое, Он и Она...

Лина немного устала, но старается этого не показать.

Здесь же, в музее, — большое кафе. Когда я принялся за сосиску, подскочил официант и услужливо предложил мне нож. Выследил.

Разговор с Линой. Хотя я ждал его, оказался не готов. Тот же вопрос ко мне: «Почему?». Сколько раз уже я слышал его здесь. Почему мы не вместе. Попытался ответить. Нет, вопрос тяжёлый. Так

просто его не поднять. Надо ещё искать, искать слова. Только мама не спрашивает. Только мама всё понимает.

Лина:

— ...Ты помнишь Киев? Слёзы мои помнишь? Почему я заканчивала институт в Саратове? Ответь. Кстати, и ты уехал в Тулу. Много ли в Киеве училось евреев? А получила диплом, — сколько я устраивалась на работу? Брали везде, но как только заполняла анкету — стоп. Оказывалось, уже не нужна. На девяносто рублей в месяц не брали. А здесь моя национальность не имеет значения. И зарабатываю двенадцать долларов в час.

— Я очень рад за тебя, сестричка.

— И я теперь свободный человек. В прошлом году мы с мамой побывали в Париже, Брюсселе, объездили Израиль. И завтра я могу поехать, куда захочу.

— Линочка, поверь мне: если тебе в самом деле хорошо, я от всей души рад.

Выходя из-за столика, оставляют доллар-два официанту. Так принято. В некоторых ресторанах официанты не получают жалованье. Их заработок — то, что оставят им клиенты.

В музее торгуют. Богатейший выбор книг по искусству. Дорого, но книги того стоят.

Прошли с Линой через Центральный парк Манхэттена. Она здесь первый раз: «Вечером сюда ходить не принято, да и сейчас, днём, я бы побоялась идти одна». В парке оказалось очень много детей и отдыхающих. Газоны подстрижены. Чисто. Ребята на пруду пускают парусные корабли. Дальше — ещё один живописный пруд. Здесь катаются на лодках. Лина была очень этому удивлена.

Линкольновский центр искусств, он же Линкольн-центр. Зашли в одно из трёх его зданий. Увидев работающий эскалатор, поехали вниз. В холле — от двадцати до тридцати человек. Выставлено десятка два полотен. Что-то ультрасовременное. Надо думать, люди собрались обсуждать картины. Тут же накрыт стол. Показалось, ценителей искусства он привлекает несколько больше, чем живопись. Впрочем, не исключено, что они попали сюда так же случайно, как мы. Лина: «Давай попьем, хочется пить». Я выбрал бутылку покрасивее. Лине налил и себе. Сделал глоток — и прыснули со смеху. Я — от

неожиданности. Лина — глядя на мою гримасу. Знала: разлито сухое вино.

Пошли по Бродвею. Верчу головой по сторонам. В самом людном месте, у подножия роскошных небоскрёбов — бездомные. Лежат на матрасах. Рядом — корзины с пожитками.

Домá строят очень аккуратно. Строительной площадки как таковой нет. Растущий небоскрёб обнесён оградой, которая отстоит от стен на два-три метра.

Зашли в один из магазинов. Продаются искусственные части мужского и женского тела, картины, майки со всевозможными изображениями. На одной майке голая девица, на другой Гитлер...

Идём дальше по Бродвею. На здании — реклама: «Лучший секс-театр, 2 доллара 99 центов». Я, привыкший верить тому, что написано, подумал: вот, знаю теперь, где он, самый-самый. Но чуть дальше — ещё один, наилучший. Ещё несколько сверхзамечательных...

Сорок вторая стрит. Лина: «Видишь в названиях магазинов три креста?». «И что это значит?» — спрашиваю. Вместо ответа: «Зайди, я тебя на улице подожду». В длинном названии магазина я разобрал только «25 центов».

На первом этаже — большой выбор видео-секс-кассет с красочными стоп-кадрами на них. Опять же искусственные части тела. Около стеллажа, у прилавка — три-четыре покупателя.

На втором этаже сидит за столом темнокожий с непроницаемой миной на лице. Протягиваю 25-центовую монету. Он — одними губами, не изменившись в лице: «One dollar». В обмен на свой доллар получил четыре жетона. За спиной темнокожего — в два ряда — несколько десятков кабин. Прочсть надписи на них даже не попытался, зашёл в первую же. Опустил жетон. Зажёгся экран, и некто с полминуты поиграл своим членом. Перед тем, как пропало изображение, камера медленно поползла к лицу самца. Оно оказалось вполне благообразным. Смотрит на меня из-под бровей и ухмыляется. И тошно и смешно. Загорелась надпись, — кажется, предлагали опустить ещё жетон. Я вышел из кабины и миновав две, зашёл в третью. Половой акт. Без лиц. Крупным планом — работающие органы.

На втором этаже кроме меня никого не было: мужчины, не задерживаясь на втором, поднимались на третий. Тошно так, что поспешил на воздух.

В стране очень боятся распространения СПИДа. Нстойчивая реклама презервативов по телевизору. Реклама в вагонах метро. В школах установлены автоматы для их продажи.

11 сентября, пятница

Марик около десяти часов утра заехал домой, — был неподалёку, в банке. Подвёз маму и меня к океану. Я искупался. Вода тёплая. Зачем-то попробовал её на вкус. Солёная, какая же ещё. Пляж пуст.

Долго сидели на скамейке, лицом к океану. Попросил маму рассказать о бабушке, о дедушке.

Мать мамы, Рахиль Фридман, родилась в 1902 году в Бердичеве. В войну они, Рахиль вместе с Зоей и мамой, эвакуировались в Свердловскую область, на станцию Богданович. Рахиль работала в колхозе, мама — медсестрой, Зоя училась в школе. В конце сорок четвёртого года вернулись в Киев.

Отец мамы, Пинхус Давидзон, двенадцатый или тринадцатый ребёнок в семье, родился в 1896 году в Бердичеве. Там, во время нэпа, у них, нескольких братьев, был свой магазин. Опасаясь репрессий, дед переехал со своей семьёй в Киев. Работал слесарем-инструментальщиком в артели. Затем, когда артели прикрыли, слесарил на заводе. Жили бедно. Во время войны был в ополчении. Погиб в Белоруссии в 1942 году. Где похоронен и похоронен ли — неизвестно.

Бабушка Рахиль умерла в 1952 году, похоронена в Киеве, на Куренёвском кладбище.

Мама немногословна. О себе рассказывает ещё меньше. Родилась в 1922 году в Бердичеве. В 1940-м поступила в Киевский мединститут. Когда вернулась из эвакуации, пошла работать учительницей младших классов и так преподавала в школе до пенсии...

Из дому я позвонил в советское консульство в Вашингтоне. Номер телефона записал в автобусе, когда мы с Линой ездили на экскурсию в столицу. Там один пожилой мужчина из Союза — мне: «Как?! Вы разве не сообщили о себе, что приехали?». Звонить или нет — мнения среди пассажиров автобуса разделились. Большинство гостей из Союза о

себе доложили и считали, сделать это нужно обязательно. Меня никто не предупреждал, поэтому звонить я не стал, а номер телефона пригодился.

Я представился. Говорю, что прилетел на месяц, но хотел бы задержаться здесь ещё на два дня, у матери будет день рождения. Тут же получив согласие, уточнил, не нужно ли письменное разрешение.

Нет, — услышал, — на два дня не нужно.

Чудеса. На всякий случай:

— Можно узнать, с кем я разговаривал?

— Вице-консул Аржанов.

Лина вечером завела разговор о моих стихах. Удивляется: если это хобби, понять можно ещё, но когда становится главным в жизни...

И дальше:

— Я слышала, у тебя и поэма есть.

— И поэма есть.

— Неужели всё в рифму?

— Сестричка, — говорю, — не рифма главное в стихах.

— И о чём поэма?

— Та, о которой ты слышала, — о вас, обо мне...

— Ты, наверное, нас ругаешь там?

Какая же ты наивная, сестричка моя.

Боря: «А сколько платят за стихи?». Мама: «Типичный вопрос американца». «Боренька, — отвечаю, — если я стану жить на деньги от стихов, меня ждёт голодная смерть».

Других юпитерами озарят,
другим деньгу востребовать, призы и ризы.
Поэт стремится к одному: избыть заряд
и значит, участь разделить отстрелянной гильзы.

Нет, не просто заряд избыть, а Храм возвести...

Не кладовая, не «открой, Сезам», а Храм. —
Поэт воздвигнет и уйдёт. В святых не значитя.
Не взыскивает со стихов, а воздаёт стихам. —
Жизнью расплачивается.

...Всё откладывал, но сегодня позвонил Роле. «Кто это?» — спрашивает. «Дижур», — говорю. Ему показалось, это папа, — заплакал. Всех нас пригласил к себе. Договорились о встрече.

12 сентября, суббота

С мамой и Линой поехали на метро в Манхэттен. Фотографировались у двух 110-этажных близнецов — Центра международной торговли. Хотели подняться наверх, но билеты продавать перестали: ухудшилась видимость. В самом деле, когда опять вышли на улицу, верхние этажи гигантов терялись в тумане. В Чикаго есть небоскрёб ещё выше. Но обещают, скоро самое высокое здание, в 130 этажей, будет в Нью-Йорке.

Мама быстро устала, хотя прошли совсем немного. Вернулись домой.

Миша опять уговаривал меня махнуть на недельку во Флориду: «Если ты не побываешь во Флориде, считай Америки не видел». Знает уже: без мамы я не поеду. Зовёт и маму. Туда лететь около трёх часов. Берётся оплатить и нашу дорогу, и все удовольствия. Мама: «Поезжай». Сама не хочет. Говорит, ей тяжело будет, — придётся много ходить, да и жарко там ещё. Без мамы не полечу. Мишу благодарю, отказываюсь. Обижается.

Марик звонил сегодня родителям в Киев. Давид, отец его, ещё в феврале подал документы на поездку к Марику в гости. Последние два месяца Давиду отвечают, что ждать осталось уже немного.

13 сентября, воскресенье

Автобусная экскурсия по Нью-Йорку. На этот раз — с Ковалё-выми. Поехал с Линой. Мама снова уклонилась.

Опять ухожу из дому, от мамы, и чувствую себя скверно.

С погодой не повезло. С самого утра до позднего вечера дождь. В автобусе — гости из Союза, туристы из Израиля. Впереди нас — испанка. Довольно сносно изъяснялась по-русски. Сидя вполоборота, рассказывала своей соседке, как во время войны была отправлена из Испании вместе с другими детьми-сиротами в Ленинград. Затем жила в Одессе. Потом вернулась на родину. Дочь её вышла замуж за

француза — и она переехала во Францию. Теперь дочь с семьёй живёт в США — прилетела к ним в гости. Сейчас опять думает о переезде: скучно одной.

Автобус подвёз к причалу. Под дождём несколько темнокожих продают зонтики, — пару долларов штука.

Сели на катер. Поплыли на остров Свободы — к Статуе Свободы. Причалили, посмотрели не неё издали. Такая же позеленевшая, как Пётр над Невой. Время работает одинаково и по ту, и по эту сторону океана.

Следующая остановка нашего автобуса — на Уолл-стрит, у памятника Вашингтону. Биржа сегодня закрыта: выходной. Чтобы увидеть, какие там бушуют страсти, нужно приезжать в рабочие дни. Зрителей пускают на балкон.

Церковь, в которую мы заходили вчера с мамой и Линой, была, оказывается, когда-то самым высоким зданием Нью-Йорка. Теперь она затерялась в этом каменном лесу. Вчера там, в храме, женщины — и средних лет, и почтенного возраста — занимались гимнастикой. Приход в церкви самый богатый в городе.

Таня, экскурсовод, очень мила. Ведёт экскурсию интересно. Даты, события, цифры... «В Нью-Йорке один миллион восемьсот тысяч евреев». Странно, в прошлую субботу было три миллиона. Неужели за неделю численность евреев так поубавилась?

Подъехали к берегу Ист-Ривер. Вышли, направились к причалу. На фоне небоскрёбов стоят парусные суда. Хорошо виден Бруклинский мост.

О протяжённости его рекла, о массе,
о том, что помнит он,
и до плеча Маяковского дотягивалась игриво:
оплошал, мол, классик, —
безработные не в Гудзон
с него кидались, а в East River...

Кстати, не Гудзон, а Хэдсон.

Автобусом — дальше. Свернули на сорок вторую стрит — улицу, где я смотрел кино за 25 центов. Её тоже показывают как досто-

примечательность. Таня: «Здесь находятся секс-шоу и нелегальные публичные дома».

Слева от нас в автобусе — Дина и её мама, приехавшая в гости к дочери из Союза. Лина с ними разговаривала. Дине около тридцати лет, у неё двое детей. Сидит с ними дома; муж работает. По её словам, живут очень скромно. Они купили дом в штате Нью-Джерси, небольшой, с бассейном. Банк дал кредит. Расплачиваться тяжело. Дина собирается искать работу. Только пока не знает какую и где. Расспросила, где и кем работает Лина. Возьмут ли её? Она тоже с экономическим образованием. Лина пообещала поговорить со своим боссом. Обменялись номерами телефонов.

Очередная остановка автобуса — ООН. Зашли в здание Совета безопасности. Каждый прошёл через арочный металлоискатель. Осмотр вещей. В вестибюле — подарки Совету от разных стран. Маятник Фуко — подарок, не соврать бы, Швеции*. Советский спутник. Лунный камень, запрессованный в стекло. Витраж Марка Шагала.

Таня: «За этой стеной — зал, с трибуны которого Хрущёв кричал: “Мы вас похороним!”». «И стучал башмаком по трибуне!» — добавил кто-то из экскурсантов. «Да? — отреагировала Таня. — Про башмак я не слышала. Скорее всего это местный фольклор»...

Оказался рядом с Диной. Разговорились. Она: «Жить здесь далеко не просто, но там жить я уже не могла. Ведь я должна была скрывать, что еврейка. В школе говорила подругам: украинка. Иначе со мной бы не дружили. Я чувствовала себя человеком второго сорта. Сколько унижали, оскорбляли... Здесь мы тоже ещё не дома: язык другой, порядки другие. Но никто не унижает моего достоинства. Нет, я не жалею». Удивилась, что я не собираюсь переезжать к маме и сестре: «Почему?!».

Далее — автобусом — вдоль Центрального парка. Таня: «Дом, мимо которого мы сейчас проезжаем, когда-то стоил дорого, так как находился на окраине города, в тиши и зелени; теперь стóит дорого, потому что находится в центре Манхэттена. Здесь был убит Джон Леннон».

* Подарок Нидерландов. — Примечание автора 2024 года.

Мимо памятника Колумбу — в Линкольн-центр. Тут мы с Линой уже были. Три здания расположены буквой П. Центральное — Метропóлитен-óпера. На его фасаде, за стеклом — по обе стороны от входа — два огромных полотна Марка Шагала. Зашли внутрь. В отделке лестницы, ведущей в зал, красный цвет, белый, золотой. Очередь за билетами на вечерний спектакль.

Не знаю, с ночи ли мечены номером,
что́ у каждого — не знаю за душой,
но очередь в Метропóлитен-опера
почти такая же, как в Большой.

Цена билетов от восьми до сорока пяти долларов. Таня, рассказывая о чём-то, непременно называет, сколько стоит, в какую сумму обошлось и т. д. Бывают представления, средства от которых идут на благотворительные цели, и билет может стоить до тысячи долларов. Среди ведущих артистов балета есть русские.

Проехали ещё немного и вышли у высотного здания: Трамп-тауэр. Имя Трампа на слуху. О нём пишут. Показывается часто на телеэкране. Ещё достаточно молод. Известен тем, что быстро разбогател. Это первое здание, построенное им в Нью-Йорке года три назад. Кругом розовый мрамор, зеркала, огни, зелень, позолота. Тут же, в холле, с высоты четвёртого-пятого этажа, вдоль мраморной стены — водопад. Эскалатором вниз — кафе: уютно расставлены столики. Эскалатором вверх — магазины: одежда, ювелирные изделия. Всё красиво и очень дорого. Нижние этажи снимают различные офисы. Верхняя часть здания жилая. Каждая из квартир продавалась не дешевле миллиона долларов, и все проданы. Многие владельцы квартир — богатые тайванцы.

Из Трамп-тауэра через магазины прошли в Зимний сад фирмы IBM. Сад под стеклянным куполом. Круглый год открыт для всех желающих. Вечнозелёные деревья. За столиками несколько человек читают газеты. Здесь же лежат бездомные.

Завожу с Линой разговор про бездомных. Лина: «Квартплата сейчас очень большая. Не все могут и не все хотят отдавать пятьсот долларов в месяц. Наркоманы лучше потратят их на наркотики, алкоголики — пропьют. А вообще в каждом районе города есть

бесплатные ночлежки. Городские власти и номера снимают в дешёвых гостиницах. Но многие бездомные предпочитают жить под открытым небом». Некоторые располагаются в самых, казалось бы, неподходящих местах. И тронуть их не имеют права: свобода — для всех. Видел одного, устроившегося на обочине проезжей части. Лина рассказывает, бывали случаи, когда потревоженные бездомные подавали в суд на блюстителей порядка, которые пытались отвести их в ночлежку.

Последняя остановка нашего автобуса — Рокфеллер-центр. Снаружи — цветы, зелень, фонтанчики. Перед фасадом — внушительных размеров Прометей. Сверкает золотом, но сделан грубовато. Внутри здания строгие серые тона, чёрный мрамор.

На вечер мы все были приглашены к Рафику — товарищу Марика ещё по Киеву. Рафик приехал в США девять лет назад с женой, сыном и матерью по вызову дяди-американца. На этом помощь дяди закончилась. Жили в небольшом городишке штата Орегон, в доме на отшибе, почти в лесу. Языка не знали. Мыли посуду в ресторане. Брали уроки английского. Работали тяжело и помногу. Затем Рафик устроился по специальности: что-то связанное с электроникой. Зарабатывал по тем временам хорошо: 1700–1800 долларов в месяц. Денег вполне хватало. Но одним было очень тоскливо. Мать Рафика даже пыталась повеситься... Марик в то время ещё тоже был в поисках. Решили поселиться семьями где-нибудь по соседству: вместе легче. Марик приехал к Рафику, но городок ему не приглянулся. Отправились вдвоём в Чикаго, где обосновался их общий друг. Чикаго не понравился обоим. И Рафик переехал с семьёй в Нью-Йорк. Это было в 1981 году. Почти три месяца жили у Лины с Мариком. Затем сняли квартиру в доме поблизости. Рафик долго не мог найти работу по своей специальности. Устроился — по просьбе-рекомендации Марика — в радиомастерскую к японцу. Вечерами Рафик и Марик подрабатывали тем, что устанавливали телеантенны на крышах. Опыта не было. Не всегда получалось. Если клиенту не нравилось качество изображения, им не платили. Антенны и всё необходимое покупали на свои деньги. Доход был невелик, но тогда любой заработок радовал. Рафик читал ночами литературу по специальности, разбирался в схемах. Сон, по его словам, тогда ещё был непозволительной роскошью.

Сейчас Рафик настраивает и ремонтирует электронную медаппаратуру в госпитале. Получает тридцать пять тысяч долларов в год, имеет бесплатное медобслуживание для всей семьи. В их доме распродаются квартиры. Хочет купить ту, в которой они живут, отремонтировать её, хорошо обставить и продать. Думает заработать на этом и купить дом. Жена Рафика, Оля, работает маникюрщицей. Юрчик, их младший сын, родился уже в Нью-Йорке. Старший сын, Яша, учится в школе; показал мне свой компьютер, обучал играм. По-русски объясняется с трудом.

В гостях у Рафика и Оли кроме нас были Эмма и Толик, — супруги средних лет. Эмма — бывшая пианистка. Приехав из Союза, переквалифицировалась. Работает программисткой. «Очень хорошо получает», — шепнула мне о ней Лина. Это уже не первая такая смена профессии, о которой слышу здесь. Музыканты, оказываясь не у дел, выбирают более земное ремесло, меняют чёрно-белые клавиши на клавиатуры компьютеров. Поговорили с Эммой на профессиональные темы, из чего я сделал вывод, что квалификация у неё самая средняя.

14 сентября, понедельник

Вдвоём с мамой. Вышли, купили русскую газету. Затем — в банк: положить деньги. Когда Марик не успевает сделать это сам, просит маму, — чтобы он мог расплачиваться за товар чеками. В банке очередь, человек двадцать. Но движется быстро: расходится к пяти-шести окошкам. Господин, стоявший впереди нас и читавший газету, бросил окурок на ковёр и затушил его ногой. Клиентам позволено почти всё. Клиент прав, даже если он хам и невежа.

Чуть в стороне — банкоматы. Здесь очереди нет. Пока мы стояли, несколько человек подошли к ним и получили деньги, потратив на это меньше минуты: вставил карточку, постучал по клавиатуре — и получил нужную сумму наличных денег. Такие автоматы работают 24 часа в сутки.

Выйдя из банка, направились туда, где мама получает фудстемпы. Нужно было пройти ещё два квартала. Мама: «Пойдём быстрее, здесь нехороший район». Так же — назад.

Сделали кое-какие покупки к столу, вечером у нас будут гости. Зашли в русский магазин, который принадлежал когда-то Зое и Мише. Маму тут знают — она Муркисам помогала, — встречают приветливо, называют по имени. Впрочем, всех клиентов так встречают. Впервые увидел здесь пьяного. Не напрочь, но довольно весёлого. Из наших. Оглядев маму, меня и ещё одну покупательницу, выбрал меня: «Земляк, ты откуда?». И т. д. Работает маляром, сегодня выходной: «Имею полное пр-р-раво». Хозяин магазина настойчиво, но вежливо уговаривал его пойти поспать. Мама купила салаты к столу.

После обеда, около трёх часов дня, мама первый раз пошла на работу. Будет встречать после занятий, у школы, мальчика восьми лет, отводить его домой и сидеть с ним часа два, пока не придёт кто-нибудь из родителей или его старший брат. Семья русская, т. е. еврейская. Мама дала им своё согласие ещё несколько месяцев назад. Говорит, скучно весь день одной, и лишние деньги не помешают. Платить ей будут пять долларов в час. Школа, где учится мальчик, и дом, где он живёт, — недалеко: несколько минут ходьбы. В пять часов мама уже вернулась.

Вообще, получающим господомощь, пособия, трудиться нельзя. Помощи могут лишить. Тем не менее, очень многие подрабатывают. Мама как-то к слову сказала мне, что если б она не работала, не помогала Лине и Марику, им бы первое время совсем туго пришлось, и неизвестно, купили бы они магазин.

Вечером у нас гости: Гена и Алла Слуцкие с детьми. Родители Аллы тоже пришли.

За столом опять разговор о преступности. У родителей Аллы своя парикмахерская. Илья, отец Аллы, рассказывает: недавно пришёл на работу — разбито стекло. Позвонил в полицию. Его успокоили: ничего страшного, ночью стреляли, одного убили, в стекло попала пуля. Когда стали подметать, пулю нашли. Дальше из разговора: на Брайтоне застрелили хозяина магазина, продававшего спиртное; всадили пулю в одного парикмахера; стреляли на улице, где торгует Марик. Спрашиваю, свободно ли продаётся оружие. Нет, нужно иметь разрешение полиции. Марик, например, может его получить для охраны своего магазина.

Пальбу связывают с рэкетом. Явление распространено. Миша Муркис выкладывает ежемесячно шестьсот долларов за уборку

мусора и от полемики с мусорщиками воздерживается. Вынужден был в этом году заплатить итальянским парням и Марик. Утешает себя тем, что магазин теперь под охраной...

Диме, сыну Гены и Аллы, двенадцать лет. Русские слова в его речи чередуются с английскими. Когда говорил о школе с кем-то из взрослых, обронил между прочим: «Наш учитель — гомик». Я подумал, Дима опять вставил английское слово. Спрашиваю у Ильи: «Что такое гомик?». Илья — мне на ухо: «Гомосексуалист». Качаю головой: «Всё знает». Илья, сделав большие глаза, шёпотом: «Что ты! Здесь дети и младше него знают всё». Многозначительно: «Понимаешь? Всё!».

Проводили гостей. Марик продолжает посвящать меня в тайны коммерции. Делает это почти каждый вечер.

Один из товаров, которые берут у него охотнее всего, — туалетная бумага. Она бывает разных цветов и запахов. Марику один рулон обходится в 40 центов. А продаёт его за 39. Продолжает: «Я теряю цент на каждом рулоне. Дальше — упаковка: мешочек обходится бесплатно только покупателю. Мне — минимум ещё цент. Мало того, я рекламу даю в газету, что продаю туалетную бумагу по тридцать девять центов, и выкладываю за это сто пятьдесят долларов. Абсурд, казалось бы, да?». Поясняет: «Некоторые специально приходят за туалетной бумагой и не берут ничего, кроме неё. Другие покупают заодно что-нибудь, и мои деньги возвращаются. Ещё и зарабатываю». Товар-приманка.

Также с бумажными полотенцами. Они обходятся Марику по 80–85 центов за рулон. Продаёт обычно за 89, а то и за 79. Однажды дал в газету рекламу полотенец по цене 79 центов, а там сделали опечатку: 49. Утром у магазина стояли покупатели, ждали, когда Марик откроет. Позвонил в редакцию. Ему принесли извинения. За рекламу с него ничего не взяли. А полотенца он так и продавал весь день по 49 центов. «А можно было, — спрашиваю, — подать на газету в суд?». «Можно было, — отвечает, — но важнее другое: это ведь тоже реклама. Все приблизительно знают цены. И то, что я продаю дёшево, улыбаюсь и благодарю за покупку, запоминается. Значит, ко мне придут и завтра».

Рассказывает, очень долго торговля у него не шла. Не мог понять — почему. Присматривался. Учился. Главным образом на своих ошибках.

Марик: «Если я перестану думать, через две недели растеряю всех покупателей». К Новому году заказал две тысячи больших красочных календарей — «фирменных» — с названием и адресом своего магазина; обошлось в две тысячи долларов. Раздавал их бесплатно своим постоянным клиентам. «Если уже ничего нового не придумывается, — говорит, — я просто переставляю в магазине товар местами. И торговля идёт лучше: когда взгляд падает на одни и те же предметы, их перестаёшь замечать. А появится на этом же месте что-нибудь новое, — привлечёт внимание». Собирается установить бегущую рекламу: «Обойдётся недёшево, но затраты окупятся».

Кстати, о наглядной агитации. Никаких лозунгов о соревновании, перевыполнении планов и зовущих в некое абстрактное будущее, — только реклама.

Когда чихаю, вылетает временная коронка. Завтра к врачу.

15 сентября, вторник

Утром пошли с мамой в детские магазины — купить кое-что Антоше. По дороге встречали маминых знакомых, останавливались.

Женщина из Запорожья. Жизнью здесь недовольна. Живёт в страхе. Недавно темнокожий отнял у неё на улице сумку, «там было восемнадцать долларов», толкнул, она упала. Ещё — в осуждение Америки: «Нет духовной жизни». Спросила, собираюсь ли я перебраться сюда насовсем. «Ну и правильно, — соглашается, — нечего здесь делать».

Фаня — мать двоих парней-близнецов, которые здесь преуспели. Тоже поинтересовалась, думаю ли я переезжать. «Ну и зря». Изумлена: «Нет ведь никого ближе мамы. И нет страны лучше Америки».

На обратном пути купили фрукты. Во всех овощных и фруктовых магазинах самообслуживание: отрываешь от рулона полиэтиленовые мешочки, — представляю лицо американца, который узнаёт, что должен платить за пакеты, — наполняешь их продуктами, складыва-

ешь всё в корзину или тележку и — в кассу. Покупатели из отборных уже плодов делают свой отбор. Даже по одной яголке.

Фрукты покупаем раз в два-три дня. В основном — виноград, бананы, клубнику, персики. Такой поход в магазин обходится в 7–10 долларов. Нам хватает одной корзины. Многие берут больше. Фрукты недорогие. Виноград по 40–70 центов за паунд*. На доллар — три паунда бананов. Мама: «Здесь нет, как в Союзе, сезона на фрукты. Всё есть круглый год. От сезона только цены зависят. И то несильно».

К семи вечера Боря подвёз меня и маму к зубному врачу. Юра примерил мне мосты в металле. Сели хорошо. Подобрал фарфор в цвет моих зубов. Ещё один зуб вылечил. Поставил те же временные коронки. В этот же вечер, за ужином, две — по одной с каждой стороны — соскочили.

Позвонил Миша. «Слушай, — говорит мне, — про Флориду мы с тобой побеседуем ещё, а пока едем в Поконо, я хочу тебе показать наш дом в горах. Если ты откажешься, я обижусь на тебя и сильно».

Сдался. Договорились выехать в четверг, с тем чтобы в пятницу вернуться. Мама останется дома, ей теперь нужно присматривать за мальчиком. Да и Бориса надо обедом накормить, иначе толком не поест.

16 сентября, среда

Лина взяла день в счёт отпуска. Побывали с ней в музее Национальной истории.

Запомнились панорамы с чучелами различных животных и птиц. Скелеты динозавров, мамонтов. Богатейших цветов кристаллы. Огромные метеориты.

Притянул к себе индеец за стеклом, заставил заглянуть в прищуренные глаза. Взгляды встретились, после чего как-то жутко стало. Не тот ли это индеец, которому заплатили 24 доллара за Манхэттен?..

* Паунд (pound) — английский фунт, 0.454 кг

На обратном пути прошли по Шестой авеню. Недаром говорят про каменный мешок: чудится, небоскрёбы где-то там, высоко, сходятся.

После ужина Борис подвёз меня к зубному врачу. Я предварительно позвонил Юре, посетовал, что слетают коронки, тяжело жевать. Высаживая меня, Боря сказал, что будет ждать моего звонка у приятеля, где-то поблизости, и дал номер телефона.

Юра был смущён, извинился. Укрепил выпадавшие коронки.

Уходя, я попросил разрешения позвонить по телефону. Вообще, это удовольствие платное, но клиентам, покупателям хозяева такую услугу предоставляют.

Несколько раз набирал номер телефона, который мне оставил Боря. В ответ — какие-то странные гудки. Вышел на улицу — подъезжает Борис. Оказывается, он оставил мне номер своего бипера.

Вечером у нас гости. Меня расспрашивают о том, что происходит в Союзе, о родных, которые там живут. Мама выходила на лестничную площадку и встретила соседку-американку. Та — ей: «Как?! У вас опять гости?». Не понимает. Здесь это не принято. Соседка удивляется: «Готовить? После — убирать?». Обычно встречаются в кафе, в ресторане.

Мама, конечно, устаёт. Прошу её не приглашать больше никого. И всё же приготовление пищи отнимает немного времени. Купить можно абсолютно всё, в любой степени готовности и недалеко от дома. Тарелки, стаканы по случаю приёма гостей используются разовые. И в такой же, разовой, скатерти всё отправляется в мусоропровод.

Количество выбрасываемого тут безмерно. Какая же нужна свалка, чтобы вобрать всё это?

Днём, когда гуляли с Линой по музею, спросил у неё: как здесь маме? И услышал: «Мне кажется, успокоилась только сейчас, когда ты приехал».

Завтра еду в Поконо. Опять уйду из дома... Зачем согласился?

17 сентября, четверг

Поездка в Атлантик-Сити и в Поконо.

Выехали вчетвером на машине Миши: он, Зоя, Марик и я. Марик впервые оставил свой бизнес на два дня. По словам Лины, это его

первый двухдневный отдых за последние пять лет. Чувствую, согласился очень неохотно. Подозреваю, тут сильно постаралась Лина. Взяла на четверг и пятницу два дня в счёт отпуска, будет хозяйкой в магазине.

Миша за рулём. Около него Марик. Зоя и я — сзади.

Миша — мне: «Обрати внимание: улицы — с односторонним движением. Управлять машиной просто и безопасно, — нет встречного транспорта».

За мостом, при выезде из города, машины притормаживают. Мы дружно потянулись за кошельками. За всё нужно платить. За мосты и дороги тоже. Миша приоткрыл окно и протянул отсчитанные четыре доллара. Комментарий Марика для меня: «Раньше брали при въезде — два и при выезде — два. Теперь берут один раз: меньше пробок, меньше служащих, меньше издержек».

Дальше сборы через каждые тридцать — сорок минут езды: водители бросают в корзины по одной 25-центовой монете; её называют квотером.

За что взыскивают. В одну сторону две полосы в три ряда каждая. И метрах в пятнадцати — двадцати такие же две полосы в шесть рядов для встречного движения. Вдоль дороги стриженный газон, чисто. Шли в среднем сто десять километров в час. Максимум до ста двадцати. Многие нас обгоняли и довольно резво. Миша о себе: «Я не лихач. Да и возраст уже не тот».

Я попросил Марика показать по карте, куда мы едем. В Атлантик-Сити. Город южнее Нью-Йорка, тоже на берегу Атлантического океана. Известен своими игорными заведениями.

В условленном месте нас ждали Коля и его жена Женя — давние друзья и соседи Зои и Миши по Киеву. Здесь их дома́ тоже рядом — и в Поконо, и во Флориде. Колин «кадиллак» стоял на обочине соседней полосы. Миша притормозил, посигналил. Так и шли до ближайшего кафе параллельным курсом...

Выехали к берегу океана. Поставили машину на стоянке одного из казино, на втором или третьем этаже; стоянка для клиентов бесплатная. Зашли в игорный зал. Роскошь и оглушительный звон. Помещение огромное, края не видно. Кругом ковры, зеркала, позолота, огни. Играющих — тысячи. Между ними проплывают сияющие девушки в закрытых купальниках, с подносами: можно перекусить,

попить, не отрываясь от автомата. Звон всюду — от падающих монет: выигрышей. Звон такой, что кажется, выигрывают все.

Марик пошёл купить билеты на какое-нибудь шоу.

Миша обменял сначала пятьдесят долларов на квотеры, — получил пять упаковок монет. Все мне. Я взял две. Ещё пятьдесят Миша разменял по доллару, для Зои. Коля отсчитал жене триста тридцать долларов, «и больше не проси», — накануне исполнилось тридцать три года со дня их свадьбы. Приезжая сюда, обычно откладывают сумму, которую можно позволить себе проиграть. Конечно, в основном, её и оставляют здесь. Иначе откуда эта роскошь?

Коля и Женя уже не работают. Если бы не знал, что они ровесники с Зоей и Мишей, дал бы Коле не больше пятидесяти, а Жене — сорок, от силы сорок пять лет. В США приехали в 1976 году, на год раньше Муркисов. Коля работал таксистом. Женя убирала в квартирах, затем была опекуной над старушкой. Когда старушка умерла, оказалось, в завещании упомянута и Женя.

Коля со временем приобрёл несколько такси, отдавал их внаём. Тогда, в 1980 году, за медальон — лицензию на перевозку пассажиров — платили 25 тысяч долларов. Продавал же Коля медальоны уже по 90 тысяч. Количество необходимых городу машин и цену на владение медальоном устанавливают городские власти. Теперь медальон стоит 140 тысяч долларов.

Сейчас у Коли и Жени в Нью-Йорке два дома. Сдают их, а сами живут в умеренном климате: полгода, в жаркий сезон, — в Поконо, в горах; полгода, с октября по апрель, — во Флориде, на юге. У них взрослые дети: две дочери и сын. У дочерей уже свои семьи. Младшая вышла замуж здесь, за американца.

Играть я начинал осторожно. Больше смотрел по сторонам. Автоматы разных типов. Одни принимают доллары, другие — по пятьдесят центов, третьи — квотеры. Но принцип изъятия денег один. Он прост: бросаешь от одной до пяти монет и дёргаешь за рычаг. Начинают вращаться три барабана с картинками и останавливаются. В зависимости от выпавшей комбинации картинок, выигрываешь больше или меньше, чем бросил, — тогда монеты со звоном падают в железный жёлоб, — или совсем ничего, — слышишь звон у соседа. Чем больше бросаешь монет и чем выше их достоинство, тем на больший

выигрыш можешь рассчитывать, но и быстрее можешь остаться ни с чем.

Около часа я просидел у одного автомата. В итоге мой капитал чуть поубавился. Попробовал переходить от одного автомата к другому, играя на каждом по разу-два. Монеты в моём пластмассовом стакане стали быстро таять. Самая крупная удача за всё время — 30 квотеров. Случайно оказался рядом с Мишей. Увидев, с чем я остался, он запустил руки в жёлоб своего автомата, и несмотря на мои попытки уклониться, отсыпал мне две горсти квотеров. Один раз Мише привалило их 400 штук.

У одного автомата я задержался. Показалось, его можно перехитрить. В самом деле, монет стало прибавляться. Максимальные выигрыши — 60 и 100 квотеров. Подошёл Марик. Он купил билеты на шоу. Начало в девять вечера. В стоимость билета, 19.5 долларов, входит обед со скидкой — за 7 долларов — в том же казино, где будет представление. Время было около трёх часов дня. Стали с Мариком разыскивать остальных. Зое один раз выпало 125 долларов, но почти всё ушло туда же, откуда пришло.

Казино, где мы собирались пообедать, минутах в двадцати ходьбы. Мы с Мариком пошли пешком, Зоя с Мишей и Женя с Колей направились к своим машинам. Договорились встретиться у входа в казино.

Вдоль всего берега — игорные дома. Некоторые только строятся. Пляж пуст, хотя погода чудная. Казино не похожи одно на другое ни внешне, ни внутренне, но везде на нижних этажах развлекаются, на верхних — гостиничные номера. Такие учреждения работают 24 часа в сутки. Как между всеми конкурирующими предприятиями, и здесь каждое всячески старается завлечь владельцев кошельков к себе. Проживают постоянные клиенты и кормят их во многих казино бесплатно. У многих также в активе шоу. Марик, прежде чем выбрать представление, на которое пойдём, долго изучал программку на сегодня. Казино организуют специальные автобусные поездки в Атлантик-Сити из других городов. Мама рассказывала, что ездила так сюда из Нью-Йорка одним днём: бесплатный проезд в оба конца и обед — только играй. Перед отъездом домой каждый получает жетон, который в следующий раз будет обменян на пять долларов, — только приезжай ещё.

По пути заходили с Мариком в некоторые казино, взглянуть. В одном на возвышении стоит машина: разыгрывается сегодня. В другом расположился небольшой ансамбль, очень мило поёт девушка. Всюду роскошь, звон монет. Девушки с подносами в купальниках — где в красных, где в голубых: под цвет ковров и мрамора. Везде играют не только на автоматах, но и в рулетку, и в карты. Ставки большие. Можно оставить или нажать состояние. Люди вокруг преимущественно пожилого возраста, — то ли оттого что день будний, то ли оттого что играть начинают к старости. В казино не пускают лиц, моложе двадцати одного года.

Идём дальше вдоль берега... За витринами пиццерий повара́ легко раскатывают на руках тесто: как циркачи, раскручивают его на одном пальце, высоко подбрасывают, ловят и опять раскручивают, пока оно не расплющивается в большой блин. И техпроцесс, и реклама. Марик предложил зайти перекусить, и я не устоял, хотя направлялись обедать.

Одно казино закрыто. По кругу, не спеша, ходят человек пятнадцать с плакатами на груди и спине, — бастуют служащие, требуют повышения зарплаты. Бастующие довольно улыбкивы.

Мужчина на улице торгует золотыми цепочками. Перед ним двадцать — тридцать больших катушек, на которых, словно проволока, — от тончайшей цепочки до толстой плетёной цепи. Тут же лежит старый, затёртый деревянный метр. Марик пояснил, продаётся это так: отматывается и отмеряется цепочка нужной длины, затем отрезается и скрепляется. Хотелось посмотреть, но покупателей не было.

Зоя с Мишей, Женя и Коля ждали нас у входа в казино. Поднялись на эскалаторе к ресторану, где наш обед был уже оплачен. Минут пятнадцать — двадцать стояли в очереди. После всего виденного это показалось весьма странным. Вдруг почувствовал, что такое стояние в затылок унижает, делает всех одинаковыми. Раньше об этом не думал.

Нас пригласили, провели к столу. За стеклом, во всю стену — океан.

Мне стало казаться, рассчитано всё. Обед со скидкой, входящий в стоимость билета на шоу, заставит клиентов, если они играют в другом казино, прийти сюда — что мы и сделали. А сытная, обильная пища, очень большая порция мяса — вкусно, но доесть я не смог — не

даст плотно пообедавшим людям далеко уйти: останутся и деньги оставят здесь. Так и получилось. Зоя, Женя и Коля спустились в игорный зал. Мне же хотелось пройти ещё дальше по берегу. Марик и Миша пошли со мной.

Под ногами широкий деревянный настил — улица без конца. Курсируют авто; у нас такие трамвайчики бегают на ВДНХ. Желающих ездить по одному или парами перевозят на креслах-тележках молодые ребята — подрабатывают.

Прошли около километра. Много строящихся под казино зданий. В различном стиле. На скамейках отдыхают пожилые люди. Прибой. Очень душно.

Зашли в казино, формами напоминающее корабль. При входе меня остановил полицейский, указал на мой фотоаппарат. Я снял аппарат с руки, надел футляр, спрятал в сумку. Фотографировать запрещено. Марик объяснил почему: «Защищаются интересы клиентов. Тут бывают разные люди. Играют азартно и не хотят, чтобы это стало известно всем. Будут фотографии — возможен шантаж».

На первом этаже, как везде, множество людей. Фонтан, зелень, зеркала. Поднялись эскалатором на второй. Огромный кегельбан. На каждой линии — дисплей, табло. Шары возвращаются сами, кегли ставятся автоматически. Здесь же продаётся и всё необходимое для игры; можно перекусить — плати. В баре — тихая музыка, несколько человек за столиками, в огромном окне — океан.

Вернулись к Зое. Долго не могли её отыскать. Жалела, что мы не пришли за ней раньше: у неё был полный стакан квотеров. Осталась половина.

Посоветовавшись, — я, разумеется, молчал, — решили заночевать в Атлантик-Сити, а в Поконо поехать утром. Зашли в один отель, другой, третий. Везде выказали готовность принять нас. Везде — сто и более долларов с человека. Ночевать передумали.

До шоу часа полтора. Вернулись в игорный зал и стали дёргать за рычаги. Я нашёл такого же типа автомат, на котором закончил игру до обеда. Втянулся. Один раз опустил три квотера, а монеты всё падали и падали в жёлоб. Триста штук. Слева и справа от меня стояли Миша и Марик. Отсыпал им.

В другом конце зала завывала сирена, собрались люди. Как потом рассказала Женя, одна старушка выиграла двадцать две тысячи

долларов. Деньги в таких случаях выдают на руки, счастливчику выделяют провожатых. По словам Жени, стоявшей невдалеке от старушки, та тряслась — то ли от испуга, то ли от радости.

Когда подошло время идти на шоу, оторваться от автомата было тяжело. Казалось, вот-вот обрушится железный ливень. Собрали вчетвером все свои квотеры в один стакан и пошли обменивать их на купюры. Девушка за стойкой высыпала монеты в лоток и столкнула их в устройство с быстро вращающимся диском. На электронном табло замелькали цифры и замерли: 161 доллар. Мы оказались в выигрыше.

Встретили Женю и Колю. Ещё до обеда они собирались играть всю ночь. Да вот раздумали: Женя успела просадить отсчитанную ей сумму, и мешая Коле, брала монеты у него. Коля раздражён. Женя слегка расстроена, но улыбается, держится славно.

Местá в билетах на шоу не указаны. В зал очередь, но движется быстро. Молодые люди встречают зрителей и провожают к столикам. Нам: «Добрый вечер. Сколько вас человек? Как ваши дела?». Зал амфитеатром, средних размеров. Между столиками порхают официантки. Подошла. С блокнотом и ручкой. Улыбка счастья. Грудь вот-вот выпадут, а падать есть чему. Пригляделся к её подругам-официанткам. Да, здесь явно был отбор. Долго стояла, всё улыбалась, улыбалась, записывала, что будем пить. Уходить не спешила: показывала себя.

В переводе на русский название шоу — «Моя единственная». Сюжет несложный. Все артисты профессионально танцуют, поют, отбивают чечётку. Большинство мужчин, занятых в представлении, — темнокожие. Женщины все белые. Запомнился танец: он и она в воде по щиколотку, с брызгами. Запомнилась улыбка героини в два ряда белейших зубов и выражение лица: вдохнула, затаила дыхание, часто-часто моргает, вот-вот скажет главное. Не сказала.

При выходе из казино Коля чуть задержался у окошка. Через пару минут к подъезду подали машины — его и Мишину. Гостям этого казино не надо искать стоянку. Парковкой и подачей машин занимаются молодые ребята. Им оставляют по доллару за услугу. Автомобиль Миши подогнала девушка. Отдала ключи, подарила улыбку.

18 сентября, пятница

Катим в Поконо — район в штате Пенсильвания. Коля и Женя едут следом, держатся метрах в пятидесяти. После заправки Миша предложил сесть за руль Марику. Сам с картой устроился рядом. Зоя заснула сразу. Я тоже продержался недолго. Последнее, что помню: очертания ночного города вдаль и слова Марика о том, что видна Филадельфия.

В Поконо были в пятом часу утра. Дачная местность в горах. Более тысячи метров над морем. Когда подъезжали, закладывало уши. Оттого и проснулся.

При въезде пост. Миша притормозил, открыл окно в машине и вставил карточку в небольшой приборчик у дороги. Нам кивнули из будки, ворота открылись. Жители сами содержат охрану. Чужих сюда не пропустят. «А если к вам приехали гости?» — спрашиваю. Миша: «У охраны есть телефон. Звонят мне и с моего согласия гостей пропускают».

Домá стоят вдаль от дороги, теряются в лесу.

Миша сразу повёл меня на экскурсию по дому. Прежде всего показал гараж. Из гаража попали в прихожую с бильярдным столом в центре. Две спальни. Две веранды: открытая, с качелями для внука, Арика, и застеклённая, с простенькой обстановкой и телевизором. Ванная-туалет. На втором этаже — большая гостиная, кухня, ещё две спальни, ещё веранды — закрытая и открытая, опять ванная-туалет. Складывающиеся ступени ведут на третий этаж, точнее — на балкон гостиной. Там только спальные места.

Мы с Мариком разместились в одной из спален второго этажа. Проснулись в полдень. Зоя и Миша уже съездили в магазин за продуктами. На столе — свежие фрукты, овощи, соки. То, что продаётся в Нью-Йорке, можно купить и здесь.

После обеда Миша покатал меня и Марика по окрестностям. Дороги кругом идеальные. На пустынном берегу озера — водные велосипеды, бассейн, клуб. Моросил дождь.

Заехали в огромный магазин, где продаётся всё необходимое для постройки и оборудования дома. Богатейший выбор материалов, инструментов, сантехники, кухонной мебели и прочего. Наглядно

показана технология строительных работ: выставлен дом в разрезе в натуральную величину. Даёт консультации специалист.

Редко кто строит сам. Зоя и Миша заказывали дом у одной из строительных компаний, находящихся здесь же, в Поконо. Можно выбрать один из готовых проектов, которых множество; можно заказать что-нибудь эдакое — плати.

Свой дом в Поконо Муркисы хотят продать. Нашлись покупатели — семья чернокожих. Зоя и Миша опасаются недовольства соседей: белые здесь не любят, когда рядом поселяются чёрные. Договорились о продаже под ключ, со всем, что там есть, за 128 тысяч долларов. Дом в этом году Муркисам уже не нужен, — лето закончилось. У них есть участок земли недалеко от озера, куплен давно. Хотят строить там.

Играли в бильярд: мы вдвоём с Мариком против Миши. Куда нам до него.

Время тянется очень медленно. Хочется быстрее уехать отсюда, к маме.

Когда играли в бильярд, звучали записи Хазанова, Жванецкого. Миша — мне:

— Послушай, — ставит кассету.

— А, это я слышал, — говорю.

— Где?

— Дома, по радио.

— Не может быть... Тогда вот что... — долго искал монолог Жванецкого.

— А, мне тоже нравится.

— У кого-нибудь на кассете слышал?

— Да нет же. И это передавали.

Недоумевают.

И здесь, в Поконо, и во Флориде Зоя и Миша, кроме общих, бесплатных каналов, — их около десяти, — смотрят кабельное телевидение: ещё тридцать шесть каналов за 40 долларов в месяц. В Бруклине, как ни странно, кабельного телевидения пока нет.

О телепрограммах. Первый и второй день по приезде в Нью-Йорк было любопытно. Скороговорку с экрана, конечно, не понимаю, с трудом улавливаю отдельные слова; кое-что мне переводят. На третий день интерес к передачам пропал, но я ещё ждал чего-то. Через

пару дней на экран смотреть перестал: всё время изо всех сил меня пытаются рассмешить, давая для большего эффекта смех за кадром, или стремятся развлечь убийствами и погонями. Впрочем, и в Туле почти ничего не смотрю.

Мама за последние полгода сохранила русские журналы «Калейдоскоп» и газеты «Новое русское слово». Ждала меня. Поэтому когда есть время, читаю. Попадается очень интересный материал. Хотелось бы увезти домой, но как вспомню, какими нехорошими словами называли у нас эту газету, так сразу чувствую на себе пристальный взгляд таможенника. Встречаются и злобные статьи. В них скорее позиция автора, чем газеты. Есть ведь вполне перестроечные публикации. В любом случае, не мешает знать, что думают о тебе другие.

Во всех газетах печатают объявления о найме на работу, в том числе и в русской: «Требуется... Требуется...» — на целую страницу. Чаще всего приглашают в автосервис водителей, со своими машинами и на машины компании. Нужна помощь в магазинах. Требуются маникюрщицы, разнорабочие. Большею частью оговаривается обязательное знание английского языка. Много рекламы. Все нахваливают себя как только могут. Запомнилось: «Гадалка и советчица. Гарантия три дня».

Конечно, Марику отдых не в радость. Болит у него душа за магазин. Второй день постоянно звонит Лине: как справляются там без него. Даёт указания. В Нью-Йорке тоже дождь, покупателей мало. Это его несколько успокаивает. «Лина иногда хочет продать подороже, — говорит, — а я не разрешаю. Она ещё не понимает, что тем самым вредит магазину»...

Миша в этом доме многое сделал своими руками: «Не могу сидеть без дела. Зоя уходит с Ариком на озеро, а я нахожу себе работу». Не без гордости показал мне сарай — очень аккуратненький домик. Сам построил. Там инструменты, машина для стрижки травы, спортивный инвентарь, самоходная трёхколёсная машина Арика и прочее.

За домом теннисный корт. На дереве баскетбольная корзина. Кругом чисто, ухожено...

Хотя возвращение в Нью-Йорк мне было обещано в пятницу, остаёмся ночевать. Про обещание не напоминаю.

19 сентября, суббота

Утром Зоя долго разговаривала по телефону. Сначала с покупателями на дом. Потом со своим юристом. И опять с покупателями.

Известно, что каждая американская семья предпочитает пользоваться услугами одного юриста, одного врача. Марик: «Юристы дерут, конечно, безбожно. Но без них никак нельзя». «А в принципе, — спрашиваю, — можно заключить договор самому?». «Да, — отвечает, — но при этом рискуешь потерять во много раз больше, чем сэкономишь на юристе. Во-первых, существует масса законов и разных тонкостей, в которых надо хорошо разбираться. А во-вторых... мы ещё даже грамотно писать не научились, не то что составлять деловые бумаги».

Юрист считает время, которое он тратит на клиента, в том числе и на телефонные разговоры с ним. В конце месяца высылает клиенту счёт. Юристу достаётся условленная часть от суммы оформленного им договора.

Я помог Мише собрать и занести в сарай теннисный стол, на зиму. Туда же, скатав, занесли прорезиненную дорожку с улицы.

Выехали в Нью-Йорк, но сначала завернули к Жене и Коле. Их дом поблизости. К ним приехал сын, Саша. Ему двадцать два года, учится в колледже. Приехал с двумя подругами. Был полдень, ребята ещё спали. Меня повели по дому, показали два нижних этажа. Комнат множество. Дом больше, чем у Зои и Миши. Строился с таким расчётом, чтобы одновременно могли жить и семьи детей. На третий этаж, сказали, не пойдём — ребят разбудим.

Женя и Коля складывали вещи, во вторник перебираются в теплые края, во Флориду.

Миша усадил меня в Колин «кадиллак»: «У меня во Флориде такая же, только у этой верх чёрный, а у моей — белый». Он рассказывает о всех прелестях машины. Я слушаю, киваю и подсчитываю, сколько дней из прошедших двадцати я не был с мамой.

Женя рассказала, что недавно к дому подходил медведь. Она от испуга закричала. Ушёл.

На балконе третьего этажа показался заспанный Саша. Поздоровался. Спустился к нам. По-русски говорит плохо. Его подружки расцеловали Женю, как маму родную.

До Нью-Йорка часа три езды. В дороге останавливались. Один раз — у большого торгового центра, перекусить. На туалете пиццерии надпись: «Только для клиентов». Ещё раз Марик попросил Мишу остановиться, чтобы показать мне, как продают машины.

Одноэтажный стеклянный павильон с вывеской CHEVROLET. Автомобили стоят снаружи и под крышей. Зашли внутрь. Нас поприветствовали, предложили помощь. Мы отказались. Покупателей нет. В павильоне выставлено несколько десятков моделей. Марик, листая каталоги и показывая всевозможные образцы окраски и отделки салона, поясняет: «Здесь можно заказать “шевроле” любого года выпуска, начиная от самой первой модели до последней. Любой окраски. С любой обивкой внутри. Чем древнее модель, тем дороже». Здесь же продаются и могут быть заказаны машины других марок. Средняя цена выставленных автомобилей — пятнадцать тысяч долларов. Самая высокая — за спортивный двухместный «корвет» — тридцать восемь тысяч.

Как совершается покупка, рассказывал как-то Юра Русановский. Дают ключи от приглянувшейся тебе машины, едешь и пробуешь её в деле, на трассе. Юра с Полей перепробовали не одну, пока сделали выбор. Юра, правда, обмолвился, что в очень дорогой автомобиль сядет представитель фирмы.

В богатой трудовой биографии Марика было и такое: он попытался устроиться агентом автомобильной компании по продаже машин. Однако там разговор с ним завершился, едва начавшись: у него спросили, закончил ли он колледж. Представитель фирмы — её лицо. Он должен уметь вести беседу с покупателем на самые отвлечённые темы.

В дороге Миша — мне: «Надеюсь, ты понимаешь, тебе в Туле не следует рассказывать всего, что здесь видел. Иначе можешь к маме больше не приехать». Я смеюсь, но как-то нервно.

При въезде в город попали в трафик, — пробка по-нашему. Приехали около пяти часов дня. Марик даже не зашёл домой, — пересел на свою машину и скорей к себе в магазин.

Миша опять звал во Флориду. Если не поеду, мол, — многое потеряю. Нет. Без мамы больше никуда.

Вечером все собрались за столом. Лина рассказала, как начинала работать бухгалтером в одном из клубов, где проводят время пожилые люди, пенсионеры. По её словам, они приходят в клуб к восьми-девяти утра, в любую погоду. Идут как на работу. Играют в домино, в карты, вяжут, читают газеты, танцуют; Лина: «Да ещё как!», обедают: «Кормят их отлично, они ещё и на ужин себе домой прихватывают». В клубе большой спортзал, несколько бассейнов. Имеются специальные оздоровительные группы, — для перенесших инфаркт и другие заболевания. Своя самодеятельность. Устраиваются концерты. Лина: «А если бы ты посмотрел на этих старичков! Женщины всегда накрашены, с отличными причёсками, а многим за восемьдесят. Ходят с трудом, но смело садятся за руль».

За членство в клубе платят все по-разному, в зависимости от годового дохода. Лина вела учёт всех этих платежей и другие финансовые дела клуба. Работа ей нравилась, не устраивало одно: платили мало, 90 долларов в неделю. Обещали прибавить, но не очень спешили. «Думали, я с моим английским никуда не денусь». Ошиблись. Её взяли в ту компанию, где работает сейчас. Там на собеседовании даже сказали, что она хорошо овладела языком. К разговору Лина была готова. Вопросы, которые обычно задают, и ответы на них знала; бухгалтерские термины выучила. На следующий день после собеседования ей позвонил в клуб менеджер. Спрашивает: «Можешь разговаривать?», имея в виду уши сидящих рядом сотрудников. «Нет, — честно сознаётся Лина, — не могу», находясь в отдельной комнатке, но понимая: с её английским лучше молчать. Менеджер: «Тогда произноси только “да” и “нет”». Последний вопрос был: «Ты можешь выйти в понедельник на работу?». «Да», — ответила Лина.

Когда сообщила в клубе, что уходит, босс очень удивился и сразу спросил, сколько она хочет. Вечером позвонил ей домой: согласен, мол, на все условия, оставайся. Лина ему — про бесплатное медобслуживание для всей семьи, которое дают ей на новом месте. Босс попросил немного подождать: со временем возможно и это.

Лина: «В понедельник утром проснулась — не знаю, на какую работу идти. Пошла на новую». Речь понимала плохо. Телефона

боялась как огня: «Мне что-то говорят-говорят, а я ничего не понимаю».

Адреса на конвертах печатала на машинке. Ей: «Не печатай, пиши от руки». Она, не разобрав: «О'кей», и продолжает печатать. И так несколько раз. Ей: «Ты ведь так хорошо говорила на собеседовании».

Состоялся разговор с Мори, новым боссом. Предложил ей хорошие курсы английского языка при университете. Там занимаются по субботам. Курсы он оплатит. Лина была тронута. Сказала, может и сама заплатить. Мори крайне удивился, так как, по словам Лины, американцы, даже очень богатые, не отказываются, если за них кто-то хочет раскошелиться.

Вспоминает мама: о том, как стояла за прилавком в магазине Зои и Миши, а дома, вечерами, не раз плакала. Однажды, когда Зоя болела, мама вытирала столики, — в магазине можно было перекусить, — и налила посетителю в чашечку кофе из кофейника. Тот сунул ей доллар в карман передника. Расплакалась. И с тех пор не обслуживала.

Вообще, здесь не стесняются никакой работы. Многие студенты в каникулы становятся за прилавки в магазинах родителей, убирают улицы.

Часов около десяти вечера Борис, поиграв ключами от своей машины, сказал, что уходит и вернётся в воскресенье, а может быть, в понедельник. Уезжает в штат Нью-Джерси, звонить ему бесполезно: бипер не сработает. Родители стали просить сына быть осторожным и прочее, но ехать не запретили, даже не отговаривали.

20 сентября, воскресенье

Утром — поездка в Манхэттен.

Автомобили идут плотно, в три ряда. При открытых окнах — никакого запаха от выхлопных газов. Делюсь наблюдением с Мариком. Улыбается, объясняет. На всех без исключения машинах есть устройства очищения выхлопов. Это немного снижает мощность, но иначе город задохнулся бы. Скоро, говорят, нормы будут ещё жёстче.

Смотрели для меня радиоаппаратуру. Зашли в магазин, который нам порекомендовал Муркис. Миша перед нашим приходом обещал

позвонить хозяину, своему знакомому, чтобы тот помог советом и недорого взял с нас.

У прилавка — несколько покупателей, говорящих по-русски. Как выяснилось, тоже присматривают магнитофон для гостя из Союза. Владелец магазина, Миша, — повсюду Миши, Марики и Бори, — показывает свой товар, советует, что выбрать. О нашем приходе предупреждён.

В дверях появился молодой человек в костюме, при галстукe. По-дружески поздоровался с хозяином за руку. Беседовали между собой по-русски, улыбаясь, называя друг друга по имени. Кивнув на дверь, закрывшуюся за молодым человеком, хозяин пояснил: это один из советских дипработников, которые покупают у него аппаратуру, — поблизости консульство. Знает, мол, что предлагать, берите.

Мы купили двухкассетный магнитофон фирмы Sony за 125 долларов. Потом в соседнем магазине увидели его же за 115. По знакомству нам продали дороже.

Как всегда в единственный свой выходной Марик покупал кой-какое добро для своего бизнеса. В Манхэттене много магазинов оптовой продажи, где партия товара, начиная от десятка или дюжины, стоит гораздо дешевле, чем то же его количество, приобретаемое в розницу.

Большой выбор дешёвых электронных часов, по одному-два доллара. Но есть и дорогие, до 400 долларов. Есть и такая цена: 80 центов за штуку, если берёшь не меньше десятка. Ручка-часы за доллар. За два — наручные часы-зажигалка. Удивляясь, показывая на дешёвые товары, спрашиваю у Марика: «Неужели и продавцы, и производители на этом зарабатывают? Одна упаковка чего стоит». Марик: «В своё время всё это принесло фирмам прибыль. Теперь, когда спрос упал, они хотят выручить хоть какие-нибудь деньги. А зарабатывают вот на чём, — кивнул на цены с нулями у наручных стрелочных часов, — на модном сегодня». «Эти часы механические?» — спрашиваю. Он: «Ты что?! Заводить каждый день? Да здесь лишний раз никто пальцем о палец не ударит».

В самом деле, кажется, автоматизировано уже всё; сделано так, чтобы лишний раз не утруждать себя. Дистанционно управляются не только телевизоры и видеомагнитофоны. Юра Русановский,

например, подъезжая к своему гаражу, не выходит из машины открывать его: замок сенсорный.

Телефонные автоматы установлены вдоль трассы на таком уровне, что водитель набирает номер из окна автомобиля. Если есть деньги и необходимость, телефон ставят в машину. Все аппараты кнопочные. У Лины и Марика в квартире телефона нет, — не нужен им: находятся всё время у мамы. Но у мамы два аппарата: стационарный и беспроводной, — часто с одним абонентом разговаривают одновременно двое. Когда же Марик и Лина идут к себе, берут с собой беспроводной. Собственно, это одна трубка с наборным полем.

На улице наблюдал, как погружают мебель в машину, специально для этого предназначенную. Платформа заходит снизу под громоздкую вещь, поднимает её и аккуратно задвигает в недра машины.

По кладбищу ездят на автомобилях, — там соответствующие дороги. Выходят прямо у могил.

Телевизионную антенну у себя на доме в Поконо Миша вращает, сидя в кресле, — нажатием кнопки.

Виноград без косточек. Знают ли, что существует и другой?

Даже писсуары во многих общественных местах снабжены датчиками. Вода сливается автоматически.

На вечер мы были приглашены в гости к Алле, сотруднице Лины. Она живёт с мужем и сыном в Стейтен-Айленде. У них свой дом, в ста шагах от океана. Первый этаж сдают. Сами занимают второй и третий. У них отдельный вход. За дом выплачивают кредит, взятый в банке.

Муж Аллы работает в метро, ремонтирует электрооборудование. Алла — мне: «У меня с твоей сестрой много общего. Мы обе из Киева, в один день родились, наши сыновья — Боря и Стасик — ровесники, мужья у нас — Марики».

Стасик ещё учится в школе. Во время каникул подрабатывает в цветочном магазине, по соседству с домом. Алла провела нас в его комнату наверху: «Всё, что в этой комнате, Стасик сам купил. На заработанные деньги». Тут радиоаппаратура, электрогитара, компьютер, телевизор, видеоприставка.

Говорят, обычно маленьким детям здесь родители еженедельно выдают определённую сумму. Например, два-три доллара. Если

ребёнок хочет себе что-нибудь купить, он тратит свои. Не хватает — копи. Это помогает обуздать желания. Когда дети подрастают, в ответ на своё «хочу» часто слышат: «Хочешь — иди заработай». И подростки зарабатывают себе карманные деньги: в магазинах, на бензоколонках, в супермаркетах, на аттракционах в парках.

Лина рассказывала как-то, что сын Мори, её босса, учится в колледже, а каждое лето работает в конторе отца грузчиком. Получает самое низкое жалованье. Мори, конечно, может ему дать работу почище. Но на вопросы сотрудников, почему не даёт, отвечает: «За столом парень ещё насидится. Пусть потрудится физически, узнает, как достаются деньги, чтобы с умом их тратить».

Кроме нас, в гостях у Аллы — её и Лины сослуживица, Лена, с мужем и двумя детьми. Муж Лены работает сантехником. Как мне тут сообщили, труд этот хорошо оплачивается.

Когда уже сидели за столом, пришла ещё одна русская семья. Живут в соседнем доме. Узнали, что будет гость из Союза.

Меня забросали вопросами. Попросили обрисовать ситуацию в стране...

Выдавали за прибыль убыль.
Славословили рулевого.
Обесценился рубль.
Обесценилось слово...

Нет, это я сейчас пытаюсь присочинить. Отделался же общими фразами. Рассказал о семейном подраде в сельском хозяйстве, чем всех и удивил.

Расспрашивавший меня сосед Аллы отметил, что я говорю по-русски с каким-то акцентом. Я не мог не посмеяться.

У вас добра поболее, у вас богаче закуски,
но сколько б вы райских плодов здесь ни вкусили,
друзья мои... Говорить без акцента по-русски
можно только в России.

Алла за столом неожиданно задала мне всё тот же вопрос и попросила на него ответить: «Почему?». Почему я не с мамой, не с сестрой, почему я не здесь, где все мои родные?

Ответ прозвучал, но опять, пожалуй, неубедительно. Среди чужих чувствовал себя зажато. И почему я должен при них, за столом, исповедоваться?

Алла переживала после, зачем задала мне этот вопрос. Просила прощения. Я её всячески успокаивал.

Когда мы уезжали, Лена с мужем уговорили нас посмотреть их новый дом. В нескольких минутах езды. Тоже три этажа. Во дворе бассейн. Тоже взяли кредит в банке. Долг будут выплачивать тридцать лет. Когда нас водили по комнатам, Лина, Марик и мама одобряюще кивали головами; когда же попрощались и уехали, дружно сошлись на мнении, что выбор дома неудачен. Я их недовольства не понял.

21 сентября, понедельник

Весь день был дома с мамой.

Вечером поехали с ней к зубному врачу. Юра примерил мне мосты. Тщательно изучил прикус, лишнее обточил. Сказал, завтра утром отдаёт мосты технику в обработку и днём будут готовы. Ещё один зуб вылечил. Встретиться договорились завтра, в семь вечера.

Марик позвонил родителям в Киев. Давид наконец-то получил разрешение. Ждал ответа из ОВИРа больше семи месяцев. Марик положил трубку и вытер глаза.

22 сентября, вторник

К условленному времени Боря подвёз меня и маму к зубному врачу. Юра опоздал на шесть минут. Попросил прощения: попал в трафик. Оправдываясь, пояснил, что хотел забрать из спортклуба сына, но не дождавшись, дал ему деньги на дорогу.

Поставил мосты, снял камни с зубов.

Мама отсчитала Юре оставшуюся сумму, и мы с ним распрощались...

Марик о конкуренции. Основной его конкурент — американец, торгующий на углу той же улицы, метрах в пятидесяти. Марику тяжело с ним соперничать. У того и размах шире — владеет тремя

магазинами, — и опыта намного больше. Внешне отношения между ними весьма корректные. Иногда заходят на бизнес друг к другу, — поулыбаются, перекинутся двумя-тремя словами. Но чаще конкурент проходит мимо выставленных у Марика товаров: идёт в закусочную за кока-колой и возвращается к себе. Ту же кока-колу он может купить и ближе. Но прогуливаясь, видит, скажем, что бумажные полотенца, которые он продаёт по 99 центов за рулон, Марик продаёт дешевле. И он ставит на своих цену 89 центов; обходятся же полотенца обоим одинаково. Марик, в свою очередь, проезжая мимо магазина конкурента, непременно сбавит скорость, разглядит, что ему надо, и если уже не может снизить цену — пусть на те же полотенца — убирает их на второй план. Вперёд ставит что-нибудь с хорошей ценой.

Борис купил себе нечто бесформенное, по виду стиранное, с прорезью для головы, с короткими лохматыми рукавами разной длины за 30 долларов. Лина повертела это в руках и непонимающе пожала плечами.

Вылетаю домой первого октября в 18.30 по местному времени. Прилетаю второго октября в 16.45 по Москве.

23 сентября, среда

Как договаривались вчера, Марик взял меня с собой на склад — показать, где и как владельцы магазинов покупают товар. Вообще не обязательно приезжать за товаром самому. Всё необходимое можно заказать. Это делается просто; рассчитано и на тех, кто не в ладах ещё с языком: в каталоге проставляется крестик против нужного наименования и в соответствующей графе — количество. Компании рассылают каталоги на адреса магазинов по почте или через представителей. Такие представители и принимают заказы. Получатели платят за доставку два процента от стоимости привезённого товара.

За тем, что раскупается каждый день — сигаретами, бумажными полотенцами, разовой посудой, туалетной бумагой, — Марик ездит сам. Остальное заказывает.

Выехали из дому в семь утра.

Необозримый склад с высокими потолками. Во всю длину — стеллажи, на них коробки. При входе взяли большую тележку.

Нагружали её, двигаясь между рядами. Ездят автокары, вытягиваются до самого потолка, складывая и доставая грузы.

Расплатились на выходе. Здесь же, для желающих, — бесплатный кофе.

Свою машину Марик покупал с тем расчётом, чтобы можно было и товар перевозить. На трёх сиденьях легко располагаются девять человек. Третье сиденье складывается, освобождая место для клади. Коробок было много, но все уложились.

В дороге Марик рассказал, как первое время не знал, где находятся такие склады. Расспросить было некого, а конкуренты не стали бы с ним откровенничать. Разведать в конце концов: поездил на машине за американцем, торгующим на углу, и выследил.

К восьми утра были уже в магазине. Выставили товар на улицу. Это делается каждое утро. К закрытию всё убирается внутрь. Процедура несложная, — стеллажи на колёсиках. Марик сам смастерил.

Пришла Марта, стала за кассу. Появилась Розен. Море улыбок.

Марику не понравилось, как шла его машина. Что-то, по его словам, стучало. Говорит, мог бы починить и сам, двадцать лет за рулём, был водителем-профессионалом, но время — деньги. Считает, выгоднее заплатить за ремонт и заниматься своей работой. Остановился у ближайшей мастерской, рассказал механику, что нужно сделать. Тот сел за руль, отвёз нас к магазину, развернулся и укатил. Через несколько часов, предварительно позвонив, приехал на отремонтированной машине.

Когда Марику нужно было съездить в банк, он взял автомобиль у владельца соседнего магазина, американца, с которым ладит. Основной товар этого соседа — инструменты. Стараются не торговать одним и тем же, чтобы не портить отношения.

Наблюдаю за покупателями. Как Марик и рассказывал, кое-кто берёт лишь туалетную бумагу, — ту, что по 39 центов за рулон. Причём на ценнике приписка: не более шести штук. Выходит, и здесь бывают ограничения? Или Марик сочетает американские и советские приёмы торговли? Так и берут некоторые по шесть рулонов. Марик укладывает бумагу в яркий полиэтиленовый пакет, что-то говорит покупателю, улыбается. Прощаясь, благодарит за покупку...

В три часа дня мама ушла к своему подопечному мальчику. На четыре часа заказан разговор с Тулой. Я дома один. Звонок в дверь.

Открываю. В дверях — незнакомый молодой человек. Понимая мою растерянность, называет себя. Ян Русановский*. Когда я видел его последний раз, в Киеве, ему было не больше десяти. Учится в колледже, в каком-то небольшом городке, довольно далеко от Нью-Йорка. У него нет ключей от квартиры, а Поля и Юра на работе. Обычно, когда ждут Яна, они оставляют ключи маме. Но мы поискали их и не нашли. Ян собирался съездить за ключами к родителям, но я уговорил его сначала поесть.

Он появляется дома только на праздники. Спрашиваю, почему так далеко учится. Образование стоит дорого, а чтобы заниматься в таком колледже Нью-Йорка, нужно платить ещё больше. Ян приехал до понедельника. Намеревается эти несколько дней где-нибудь поработать. Сейчас без машины: разбил свою зимой. Хочет новую. В Нью-Йорк его подвёз приятель, который тоже на праздники направлялся домой, к родителям.

Ян рассказал, что изучает в колледже русскую, советскую историю. Намерен специализироваться в русском языке. В самом деле, в отличие от своих сверстников, приехавших из Союза восемь — десять лет назад, говорит по-русски хорошо. Рассчитывает на улучшение отношений между СССР и США: тогда его знания понадобятся.

С гордостью показал газету, которую студенты выпустили своими силами. Думают издавать её раз в месяц, за счёт рекламы. Ян — один из редакторов и авторов. Показал свою статью и рассказ. Поясняя, о чём рассказ, упомянул «Записки из Мёртвого дома» Достоевского. Диапазон тематики газеты — от бытописания студенческой жизни до статей на политические темы. Я попросил объяснить одну из карикатур. Оказалось, изображённое и подпись под ним — осуждение помощи США никарагуанским контрабандистам.

Ян занимается каратэ. Участвует в соревнованиях. Есть успехи.

В колледже подрабатывает. Последнее время — тем, что провожает девушек домой: вечером, после занятий. И такая работа есть.

Интересовался, где я уже побывал, что видел. Предложил сходить вместе в библиотеку, где я смогу почитать книги на любую интересующую меня тему, включая книги о русской, советской истории,

* Сын Поли и Юры.

а также посетить те места, куда, по словам Яна, меня никто, кроме него, не поведёт.

Дали Тулу. Там час ночи. Лара уже спала. Записала, когда прилетаю. Завтра едет в Москву, — поможет Давиду купить билет на самолёт, обменять деньги в банке...

Газеты сегодня поздравляют всех евреев с праздником Рош ха-Шана — с Новым годом, с 5748-м. Приветствия и пожелания набраны огромными буквами. Лине и Алле сегодня устроили праздник на работе: поздравили, отметили за обедом. Их отпустили домой раньше. Завтра у них выходной. На католические праздники, как рассказывает Лина, поздравляют сотрудниц-итальянок, латиноамериканок. Они отдыхают. И т. д. Религиозные, национальные традиции чтут, относятся с пониманием.

У Лины на работе, чтобы все были поставлены в равные условия — независимо от того, во что веришь и веришь ли вообще, — каждому сотруднику, помимо отпускных дней, даётся два дополнительных, оплачиваемых праздничных дня в году. Каждый волен брать их, когда хочет.

Много праздников, которые отмечает вся страна. Если выпадают на выходные дни, — переносятся на рабочие и оплачиваются.

Около девяти вечера пришли Муркисы. Когда Зоя с Мишей появились в дверях, я их не узнал. Промелькнуло: «Кто эти люди?». Усталость исказила лица. Миша опустил на стул. Руки — плети. Пытаясь улыбнуться, — мне: «Дорогой мой, не приезжай в Америку». Перед праздниками у них особенно много работы. Их продукция раскупается хорошо. Не успевают печь.

Отметить праздник собрались у Русановских. Накрыт стол. Зажжены свечи. Миша, придя в себя, пояснял мне: «Понимаешь, здесь нельзя работать вполсилы. Я, например, не могу вместо заказанных ста пятидесяти тортов сделать сто сорок. Заказчик на меня рассчитывает, и если я его подведу, завтра он ко мне уже не обратится, — пойдёт к моему соседу. И друзьям своим посоветует поступить так же. А самое страшное — это потерять клиентов».

Да, нельзя не увидеть: система выжимает все соки из производителя. Но эта же система и отдаёт ему все свои блага, когда он сам становится клиентом, потребителем.

Разговор за столом — вокруг бизнеса Муркисов и их детей. Несколько дней назад они поставили новую печь на тридцать шесть листов стоимостью тридцать пять тысяч долларов; на покупку взяли ссуду в банке. Прежняя, на шестнадцать листов, их уже не устраивала. Она ещё находится в пекарне. Хотят от неё избавиться: тесно. Рита настаивает, чтобы сделали это немедленно, — работать невозможно. Те, кто берутся разломать печь и вывезти, просят немалые деньги. За столом посовещались и решили пригласить тех двоих, которые называли минимальную сумму — две тысячи долларов. Миша тут же позвонил по телефону, пытался торговаться, но ему не уступили. Завтра придут ломать.

Тот же вопрос ко мне: «Почему?». На сей раз его задал Миша. Ещё час назад говорил: «Не приезжай в Америку». После моих слов пожал плечами: не понимаю, мол. Меня поддержал Ян Русановский, чем очень удивил и порадовал.

...Сквозь ночь Эрмитажа, за переплёты окон,
через Атлантику — зов, — тот, что однажды наставил. —
Достали и здесь: глядят меня издалёка
с картины Эль Греко апостолы Пётр и Павел...

24 сентября, четверг

Лина выходная. Боря на учёбе. Марик поехал открывать магазин, хотя многие сегодня не торгуют: праздник. В районе, где живут ортодоксальные евреи, всё закрыто. Кто решится там торговать, рискует потерять клиентуру. Магазин Марика в итальянских кварталах. Полагает, его не осудят.

Часов около десяти утра Марик заехал домой за Линой, мамой и мной, чтобы вместе посмотреть дом, продающийся в Стейтен-Айленде. Приехал не один: с брокером, тоже Марком. Broker в переводе с английского — маклер, комиссионер. Марк-брокер служит в компании, которая занимается посредничеством при купле-продаже недвижимости. В данном случае он лично был заинтересован в приобретении дома Линой и Мариком. Точнее, это полдома. Половину купил он сам и теперь хочет занять хорошего соседа, из знакомых. Рассказал, что эту непроданную часть чуть было не купила

его бывшая жена, — случайно! в многомиллионном Нью-Йорке! Уже документы стала оформлять. Перед тем как столкнулись у нового дома носом к носу, они пять лет не виделись.

Проехали еврейские кварталы. Движения на улицах нет: ортодоксальные евреи на машинах в праздники не ездят. Даже проезжающие автомобили вызывают у них недовольство. В синагогу идут семьями. Мужчины в чёрных костюмах и шляпах, женщины в длинных платьях. Так же одеты и дети, несмотря на жару.

Марик свернул, чтобы объехать этот притихший район, и рассказывает: «Шабэс — еврейский праздник от захода солнца в пятницу до захода солнца в субботу — они отмечают с точностью до минуты. Если кто-то едет на машине домой и не успевает до начала праздника, ставит её и идёт пешком».

Переехали мост, соединяющий Бруклин и Стейтен-Айленд. Уплатили налог, четыре доллара. Это значит, в случае покупки дома, налог придётся платить ежедневно, а то и по несколько раз в день...

Дом в хорошем, спокойном районе, метрах в пятистах от берега. Недавно построен. Строители же и продают его. Такая покупка обходится дешевле, чем сделка через посредника.

Марк-брокер сходил за женщиной, которая открыла и показала нам продающуюся половину. Три этажа. Сначала поднялись на второй. Тут просторная гостиная и большая кухня. В кухонном столе, напоминающем стойку в баре, — автоматическая мойка посуды. Балкон. Туалет. На верхнем этаже — три спальни и свободное, самое, пожалуй, светлое помещение: совмещённые туалет и ванная. Здесь в потолке — застеклённый квадрат неба. Проплывают облака. Отражая дневной свет, эффектно играет кафель. Тут же стиральная машина со множеством переключателей и сушильный агрегат. Полы всюду выстланы мягким синтетическим покрытием.

За домом — участок земли, где обычно ставят бассейн.

На первый этаж вход отдельный, с улицы. Здесь две комнаты, кухня и все удобства. Если будущие хозяева захотят первый этаж сдавать жильцам, то строители порекомендуют их: уже есть желающие. Осмотрели гараж, из которого можно подняться в гостиную. Марик решил проверить, поместится ли его «шевроле». Вполне. Кроме того, перед фасадом есть открытая площадка, где станут ещё две машины. Тоже важно.

Просят за всё это 245 тысяч долларов. Марк-брокер советует поторговаться, тысяч пятнадцать уступят. Его половина точно такая же. Он тут живёт со второй женой, Людой, и её сыном от первого брака. Парню пятнадцать лет.

Дом всем понравился.

На обратном пути, перед тем, как Лину, маму и меня отвезти домой, Марик заехал ненадолго к себе в магазин. Мама и Лина сидели в машине, а Марк-брокер на улице рассказывал мне свою историю. Когда над головой гроыхал поезд метро, — умолкал.

Работал в Союзе на одном закрытом заводе начальником производства. Делали какие-то секретные ракеты. Бывало, сутками не уходил с завода. Имеет учёную степень. Проработал много лет, хотя его не раз переманивали на родственные предприятия.

Однажды, это было в 1972 году, Марка вызвал директор, с которым он был в самых добрых отношениях, и говорит: «Пойми, я против тебя ничего не имею, мне будет трудно без тебя, но спущена одна бумага. Я должен устранить кое-кого. Евреев тоже».

Уволился. Объездил те города, куда раньше настойчиво звали. Везде отказывали. Был безработным четыре месяца. Все деньги проездил. «Одна дорога в Новосибирск чего стоит». Пытается перекричать грохочущий поезд: «Я столько знаю! Неужели мои знания никому не нужны?!». Наконец устроился во Львове преподавателем в институте. Вызвал к себе семью. Через два месяца его пригласил в кабинет ректор и говорит: «Претензий лично к вам у меня нет, но мне указали на вашу кафедру: “Два еврея — это уже синагога”». Завкафедрой тоже был еврей. Марк психанул, но рукам волю не дал.

Пошёл в истопники: решил уехать. Но всё же колебался ещё.

Однажды к нему заявился бывший сослуживец по заводу, работавший прежде его заместителем, — как-то разыскал. Гость, приехавший с коньяком, передал Марку предложение директора: вернуться на завод. На ту же должность и на больший оклад. В начальниках производства за два года побывало уже пятеро. Когда языки развязались, порученец передал слова директора буквально, к чему, скорее всего, не был уполномочен. «Нужна его голова, — сказал директор, — а на то, что он еврей, мы закроем глаза».

Марк-брокер, глядя на меня в упор: «Понимаешь?! Так и сказал! После этого я уже не колебался».

Марик отвёз маму, Лину и меня домой, сам поехал работать.

По дороге остановились на Брайтон-Бич, — купили фрукты. У кассы была очередь, два-три человека. Стали и мы. За нами — пожилая американка с одним кочаном капусты в руках. Подсадовала: спешит, а обслуживают очень медленно. Мы пропустили её вперёд. Искренне поблагодарила, расплатилась за покупку и поздравила нас с Новым годом, — слышала, что разговаривали между собой по-русски.

Около пяти вечера вдвоём с Линой пошли в синагогу. Мне давно этого хотелось, но решили, сходим в праздник. Синагоги — обычные, ничем не примечательные среди жилых домов здания. Их много. Ближайшая была уже закрыта, поздно выбрались. На двери объявление: 23, 24, 25 сентября вход только по билетам. Ещё одно: желающие съездить в Атлантик-Сити могут сделать это почти даром, — организуется автобусная экскурсия. Выходит, молитвенные дома поставляют клиентов игорным?

Прошли с Линой несколько кварталов. Ещё две синагоги закрыты. На одной из них — тоже объявление о платном входе в дни праздника.

Ян Русановский, когда узнал о поборах, возмущался: «Они не имеют права! Должен быть и бесплатный вход!».

Кстати, посетить музеи, где мы с Линой были и где не были, можно, оказывается, и бесплатно. Я вычитал это в путеводителе по Нью-Йорку. Там указан день недели, когда вход свободный.

Вечером у нас гости: Марк-брокер с женой Людой. Интересовались, понравился ли Марику и Лине дом, будут ли соседями.

Когда Люда и Марк ушли, Лина рассказала про Джессику — ещё одного члена их семьи: собаку. Раз в три недели её возят в парикмахерскую. Стригут, делают маникюр. Французские духи и прочее. Возят в поликлинику. Лечащий врач присылает на праздники поздравления пациентке.

Лина и Марик решили с покупкой дома подождать, — не потянут. Прежде Марик хочет продать бизнес.

Борис, когда узнал, что родители смотрели дом и что дом им понравился, сказал: «Ну и что вы думаете? Давайте покупать». Марик: «А деньги?». Боря: «Возьмём в банке». Потом предложил построить дом самим, обойдётся дешевле.

25 сентября, пятница

Лина и Марик около девяти вечера собрались в ресторан. Уговорили меня. Мама — ни в какую: «Не люблю я этого».

На берегу залива — рестораны. Марик остановился у одного из них: PARADISE*, чтобы я посмотрел, как веселятся русские. В зале, окнами на залив, очень шумно. И говорят кругом по-русски, и песни звучат на русском. Постояли на балкончике. За одним из столиков Марик увидел знакомого, — вместе работали таксистами в Киеве. Марик спустился к нему на пару минут.

Поехали дальше, в «Метрополь». На стоянке у ресторана поставить машину уже негде. Стали на другой стороне улицы.

Официант Миша, судя по приветствию, — знакомый Марика. Повёл нас к свободному столику. Впрочем, очень может быть, что никакого знакомства нет. Здесь так умеют встречать клиента, будто всю жизнь только его и ждали. Иначе просто не прокормиться. Возможно, тот же Миша обслуживал в Союзе, приговаривая: «Не нравится — не берите». Тут же вон как порхает. Приветливым, вежливым быть — выгодно...

Я не первый пришёл к этой мысли: доброта не только отвечает требованиям нравственности, — доброта выгодна чисто материально. Вывод кажется верным и по отношению к обществу, и применительно к личности. Но если в Москве такое утверждение может показаться надуманным, то здесь это представляется очевидным.

Обществу выгоднее платить пособия неимущим и предоставлять ночлежки бездомным, чем иметь потенциальных преступников и тратиться на содержание осуждённых, которых, опять же, надо кормить, давать им приют и т. д.

Не знаю, каким образом общество пришло к милосердию: исходя из холодных расчётов или от сострадания к нуждающимся. Но в результате выигрывают все. И похоже, это здесь понимают. Применительно к личности правило действует скорее от обратного.

* Рай

Невыгодно быть грубым и обманывать клиентов: потеряешь их. В ущерб себе — сработать некачественно. Не резон мусорить — штраф заплатишь. Накладно, когда скользко перед домом или на тротуаре выбоина: упадёт прохожий, сломает ногу — будешь оплачивать его лечение, возмещать убытки. И т. д. То есть нормы поведения во многом диктуются денежными отношениями. Порядочным быть просто выгодно, — к этому подталкивают условия обитания. И возможно вежливость, культура общения, прилежание в работе незаметно становятся такими же присущими человеку качествами, как поиск, извлечение пользы для себя. Почти такими же, потому что как ни крути, людьми, в большинстве, движет всё-таки поиск личной выгоды.

Боже! Как не хочется с этим соглашаться! Но вот ведь результат: все кругом вежливы, улыбаются, пусть и не всегда искренне. О материальных благах же и говорить нечего...

Если соглашусь, то так: поиск выгоды для себя — это двигатель первой ступени. Пока не отработает, не включится второй, третий... Но есть он, второй! Но есть он, третий! У человечества — в каждом из нас! — эти три ступени. Иначе зачем мы? Не звери же мы. Ведь такая сила дремлет ещё в сердцах...

В ресторане ели всего понемногу. Запомнился рак, большой и красный, с нежным, вкусным мясом. Поют очень громко, — разговаривать нельзя. В глубине зала, у подножия небольшого искусственного водопада накрыт сладкий стол. Видимо, по заказу. Потанцевав, подошли с Линой посмотреть. На огромном торте — дом из крема, у дома — машина из шоколада. Здесь же торчат зачем-то зубные щётки, тоже, надо думать, съедобные. Водопад подсвечивается. На столе, на камнях, по которым сбегает вода, разложены фрукты: бананы, ананасы, клубника, персики, гранаты. Клубника в шоколаде, виноград в шоколаде. Некоторые ананасы полые, внутри горят маленькие лампочки. Разноцветные лампочки кругом и моргают. На столе — женская нога из шоколада в натуральную величину.

Между столиками ходит фотограф, предлагает свои услуги. Девушка с корзиной цветов ищет покупателей.

Часам к двенадцати, когда свободных мест уже не было, а в ресторан зашли две молодые пары, официанты моментально внесли и сервировали ещё один столик.

У стола, который под водопадом, стали прогуливаться люди, выбирая сладости. Один мужчина в окружении нескольких зрителей взял в руки шоколадную ногу и откусил от ляжки.

Объявили номер-сюрприз. Вышла танцовщица, исполнила танец живота.

В туалете чистота идеальная. На голубом кафеле одинокая надпись. Нацарапано по-русски, очень коротко.

Ресторан работает всю ночь. Тем, кто сидят до утра, завтрак бесплатный.

День рождения мамы будем отмечать 27 сентября в ресторане «Россия». Уже сделан заказ.

26 сентября, суббота

Обычно по субботам, когда покупателей в магазине бывает больше, чем в будни, Марику требуется помощь. И поработать отправляется вся семья. Только Лина и Боря выезжают чуть позже Марика: дольше спят. Поехали с ними и мы с мамой.

Я попросил Бориса остановиться у синагоги. Он остался в машине, а мы втроём вышли. Поднялись на второй этаж. У входа в зал — две большие корзины. В одной — ермолки, маленькие чёрные шапочки, — кэпэе по-здешнему; наверное, от английского слова сар, шляпа. Ими покрывают головы мужчины. Надел и вспомнил: такая же была у Мастера, героя Булгакова. Во второй корзине — кружочки белой ажурной ткани. Ими покрывают головы женщины.

Мы побаивались, что нас не пустят: Лина в джинсах и я в джинсах и кроссовках; робко приоткрыли дверь. Нас очень любезно встретил улыбчивый мужчина в костюме и галстуке. Подсказал, а мама перевела, что мне надо взять там же, у входа, и набросить на плечи талес, — вроде полотенца с бахромой. Выдал по книге каждому. А что читать не умею — так это ничего, говорит. Главное, книга должна быть открыта.

Зал амфитеатром. Высокий потолок выложен цветным стеклом.

Спустились на пару ступеней.

Оказывается, книгу тоже надо уметь открыть. Листается она слева направо. По-еврейски, точнее не скажешь.

Людей немного. Стоят по одному, по двое с открытыми книгами, покрытыми головами. Поют как могут, повторяя молитву за кантором.

Постояли мы с десять минут. Ужасно неловко было уходить...

В магазине я пытался хоть чем-нибудь помочь Марику, Лине, Борису. Но проку от меня мало. Чувствую, мешаю только.

Чуть погуляли с мамой. На улице, где торгует Марик, зашли в обувной. Застали там одного из трёх его владельцев-братьев: того, кто учился в Тульском политехническом институте. Как выяснили, закончил его на несколько лет раньше меня. Разговорились. Нашли общих знакомых в Туле...

Домой с мамой вернулись на автобусе.

После обеда позвонил Миша Муркис, пригласил меня к себе, поговорить. На другой стороне улицы в шестиэтажном доме Муркисы снимают двухкомнатную квартиру. Миша дома один. Разговор начал издали. Про то, как он и Зоя решали: продавать бизнес или вводить в него детей. Рита хотела работать. Поля колебалась.

«Понимаешь, — говорит, — бизнес очень тяжёлый. Вот Рита в пять утра уже там и целый день у печи. До восьми-девятого вечера — изнурительный физический труд. Не хотелось их втягивать. Но с другой стороны, им тоже надо дать заработать. Дела шли и сейчас идут неплохо. У нас уже есть имя, а это здесь очень важно. Про Бейкери-Киев* знают не только в Нью-Йорке. Мы выполняем заказы и для других городов. А знаешь, сколько мы выпекаем? У нас одних наименований тортов — тридцать семь. Жалко было отдавать всё это в чужие руки. Решили передать бизнес детям... Зачем, думаешь, нам трудиться? Не на что жить? Да мы с Зоей до конца дней не истратим того, что имеем. У нас два выплаченных дома — во Флориде и в Поконо, сто тысяч в банке... Ведь хочется, чтобы дети тоже отдыхали. Вот Поля и Юра опять уезжали на неделю. В этом году — уже третий раз. А если бы мы им не помогали, разве они смогли бы вырваться?».

* Бейкери, bakery, — пекарня.

После слов Миши о домах и сумме, лежащей в банке, я успел вставить: «А как вы оцениваете то, чего достигли по отношению к среднему уровню жизни в стране?». Миша, в ответ: «О каком-то одном среднем уровне трудно говорить, — слишком велик разрыв между богатыми и бедными, но пожалуй, можно сказать: достигли среднего уровня жизни американцев».

Дальше Миша повёл речь о том, для чего позвал меня, — о конфликте между мамой и Ритой.

До недавнего времени мама украшала торты в Бейкери-Киев. Была занята по семь часов четыре дня в неделю. Бóльшую часть работы в пекарне выполняют четыре человека: один израильтянин и три индуса. Трудится несколько женщин, которым около шестидесяти, — эмигранты из Союза.

Миша: «Израильтянин пашет как вол. Всё держится на нём. Но понимаешь, у него скверный характер. Причём, когда в магазине Зоя или я, его не слышно. Когда же за хозяйку остаётся Рита, тут он поднимает голову. Спорит с ней, подгоняет женщин, упрекает их, что медленно поворачиваются, может оскорбить. Он и в самом деле работает за троих, но мы так же ему и платим. Я не раз разговаривал с ним, предупреждал. Он давал слово, и всё повторялось. Маму твою он почему-то не задевал. Но она заступалась за других. Стал донимать и её».

Миша предложил мне сок. Открыл холодильник. «Видишь, — говорит, — пусто. Когда мы живём в Нью-Йорке, домой только ночевать приходим; с утра до вечера на бизнесе. Там и едим». В холодильнике, кроме соков, — ничего.

Продолжает: «Как-то, когда мы с Зоей вернулись из Флориды, — это было после очередного и последнего ему предупреждения, — Рита опять была в слезах. И я показал этому израильтянину на дверь. Он ушёл. Работали без него и к вечеру буквально валились от усталости. Но я почему-то был уверен: вернётся. Хотя, как потом оказалось, он приходил наниматься к нашему конкуренту. Тот его не взял, опасаясь, что он подослан выведать кулинарные секреты».

Через две недели израильтянин пришёл в бейкери просить, чтобы его взяли. Клялся молчать. Но продержался недолго. С Ритой стал осторожен. А женщинам, когда Миши и Зои не было, опять принялся грубить. Рита отмалчивалась. Тогда мама и ушла...

Миша: «Для твоей мамы важней моральные принципы. Но ты и Риту пойми. Ей тоже всё это неприятно, но она терпит. Ради дела... Рита, конечно, виновата: когда мама лежала в больнице, ни разу даже не позвонила ей... И посмотри, что получается. Завтра отмечаем день рождения мамы, шестьдесят пять лет. Рита идти не хочет. После этого, понятно, к Рите не пойдёт мама. А значит, и Лина. Мы же так все разругаемся. Я тебя очень прошу, позвони Рите, она должна быть завтра в ресторане. И убеди, пожалуйста, маму вернуться в бейкери. Она ведь там не перетруждалась...».

Маме я ничего не сказал. Когда остался дома один, позвонил Рите на работу.

— Ты придёшь завтра? — спрашиваю.

Молчит.

— Очень тебя прошу, приходи.

— Хорошо, — отвечает, — но только ради тебя...

Вечером были в гостях у Роли. Мама, Лина с Мариком и я. Роля при встрече сдержал слёзы. Говорили о разном. О папе не вспоминали. Вслух не вспоминали. Прощались целуясь.

27 сентября, воскресенье

Воскресная поездка в Манхэттен, по магазинам. Когда, уезжали, Боря ещё спал, — по выходным отсыпается за всю неделю. Но пока мы катались, он заказал для бабушки цветы и торт.

Вечером в ресторане «Россия», чтобы поздравить маму, собрались самые близкие: Лина, Марик, Боря и я, Зоя с Мишей, Поля с Юрой, Рита с Яном и Ариком.

Ян, — обычно всегда добавляют, какой: Ритин или Полин, — Ритин Ян работает ювелиром. А вторую половину дня он проводит на семейном бизнесе, так же как Юра Русановский, который после своего инженерства трудится в пекарне.

Арику пять лет. Родителей видит редко. Чаше живёт с Мишей и Зоей во Флориде или в Поконо. Сегодня за столом он почти не сидел, провёл вечер в фойе, за игровыми автоматами. Прибегал, когда у него заканчивались квотеры.

В зале ещё три-четыре компании отмечали какие-то события. За соседним столом праздновали день рождения девчушки. Ей стукнуло два годика. Весь вечер играл ансамбль. Звучали русские песни.

На бархатной кулисе вышита золотом царская корона. На электро-табло — бегущая строка с пожеланиями лично каждому из тех гостей, кого родные и близкие пришли сюда поздравить. В полу, под ногами, мерцают маленькие лампочки.

Виновников торжеств приглашали к сцене для вручения цветов и подарков. Три корзины цветов для мамы: одна от Бейкери-Киев, одна от нас, одна от Аллы, сотрудницы Лины. Цветы — чудо.

Наш стол был накрыт яствами в два яруса. Официанты уносили многие блюда нетронутыми и ставили новые. Не было съедено и половины. Стоило отвернуться или пойти танцевать — как вместо моей практически чистой тарелки передо мной оказывалась новая, сверкающая.

Я потанцевал с мамой, с Линой. Затем пригласил Риту. Поговорили с ней. И чуть позже Рита поцеловала маму, просила её не обижаться...

Когда приехали домой, мама с облегчением вздохнула: «Слава Богу, эта мука закончилась».

28 сентября, понедельник

Дома с мамой ждали газовщика, — ещё в пятницу нас предупредили по телефону, что придут сегодня от одиннадцати утра до двух часов дня. Мама была очень беспокойна. Позвонила одним соседям, другим, — о приходе газовщика никого больше не предупреждали. Спустилась на первый этаж к суперу. Его не оказалось дома, а жена его о газовщике ничего не слышала. Мама позвонила Лине на работу. Лина — в соответствующую компанию, чтобы узнать, должен ли кто-нибудь явиться по нашему адресу. Там ответили: нет, никому не открывайте. Лина сказала нам, что всё доложила Марику и он выезжает домой.

Мама закрыла двери на два замка и на щеколду. После виденного на экране изображение рисует самое худшее.

Марик приехал в двенадцатом часу. Мама покормила его. Высидели дома до половины первого. Никого. Решили не ждать, надо купить продукты — готовиться к встрече Давида. Когда вышли на

улицу, Марик сказал, что к нему сегодня на работу приходил газовщик, — чистил трубы, но явился почему-то без предупреждения.

Мама сообразила первой. Смеёмся, но как-то невесело. Марик оставлял той компании два номера телефона: магазина и домашний, то есть мамин.

Мама хранит мои письма. Вечером они случайно попались мне в руки. Перечитал. Узнал о себе много интересного.

После ужина Марик уговорил меня съездить в баню. Лина тоже собиралась, но раздумала. Поехали вдвоём.

Банщик, или кто он там, — за столом, в белом халате. То, что разговаривает по-русски, я уже принимаю как должное. После приветствия — Марику:

— Вы ещё не были у нас после ремонта?

— Нет, — ответил Марик.

— Мы берём теперь девять долларов с человека.

Я уже давно без денег. Все и всюду платят за меня. Те 340 долларов, с которыми я прилетел, разошлись неизвестно куда. Сумма мизерная, но отдал бы за такую же тысячу, две тысячи рублей, ведь есть они, только бы не чувствовать себя бедным родственником.

В центре бассейн. Вокруг него мягкие лежаки. Парилки на любой вкус: пар сухой, пар мокрый. Душевые. Людей в бане мало, человек десять — пятнадцать. Нам помахали руками Рафик и Оля. Они здесь всей семьёй, с Яшей и Юрчиком. Эмма, бывшая пианистка, и Толик тоже тут.

Ребятишки выходят из бассейна и садятся к телевизору.

Баня общая. Форма одежды пляжная. За отдельную плату делают массаж. Работает бар, здесь же столики. Оля пошла со своими ребятами поужинать. Распаренный, распластаный на лежаке Толик хотел пива и предлагал всем составить ему компанию. Желающих не нашёл и поплёлся в бар сам.

Я вышел из бассейна, сел на лежак. Почувствовав кого-то за спиной, обернулся, увидел рядом банщика и встал, думая, что сделал что-нибудь не так. Он же, мило улыбаясь, расстелил мне белую простыню. Лечь почему-то не решился. Должно быть, затравленному отечественным сервисом это показалось непозволительной роскошью.

Баня находится на первом этаже обычного жилого дома. Жильцам вход бесплатный.

В машине, по дороге домой, Марик рассказывал, как подрабатывали они с Рафиком. Возили на своих машинах семьи на отдых. Кто может, старается уехать из Нью-Йорка на лето, здесь очень жарко. Многодетным же семьям да ещё с вещами одного своего автомобиля для этого мало.

Однажды вдвоём с Рафиком устанавливали сигнализацию в церкви. Японец, покойный хозяин радиомастерской, не взялся за работу из религиозных соображений, — храм католический. Когда служители церкви, получив отказ японца, вышли из мастерской, Марик догнал их. Назвал сумму в два раза меньше, чем берут за то же специалисты. Договорились. Условие католиков: установить сигнализацию за день. По выполнении, с учётом расходов на материалы, Марик и Рафик зарабатывали по сто долларов. Тогда это казалось хорошими деньгами. Опыта не было никакого. Провозились 24 часа, — утром пришли, утром ушли...

Марик сказал как-то: «Если бы я знал, через что придётся здесь пройти, я бы уехать не решился».

29 сентября, вторник

Весь день с мамой и сестричкой. Лина взяла ещё два дня в счёт отпуска.

И грустно — оттого что скоро прощаться. И уже скучаю по дому...

Лина и мама вспоминали свой отъезд из Союза.

Не забыть и мне тот октябрьский день, вокзал... Многолюдно, одиноко, холодно. Трогается поезд. В окне — отец, сестра. И мама в слезах, одними губами: «Приезжай»...

Вспоминает мама. Поезд, которым уезжали, останавливался в Чопе всего на пять минут. А все кругом с вещами. Выбрасывали чемоданы в окна. Мужчины прыгивали последними, уже на ходу.

На таможне заходили по одному в комнату и заставляли раздеваться. Только отца почему-то не осмотрели. Борю тоже раздели, даже носки сказали снять, и спросили: «Куда папа спрятал бриллианты?». Мама: «Я в жизни не знала, что это такое».

На маме было золотое кольцо с рубином. Таможенник его не пропускал. «Почему?! — возмутился отец. — Это мой подарок!». «Вас кто-нибудь провожает?» — спросил таможенник. Услышав утвердительный ответ, — провожал Давид, — сжалился: «Тогда пятьдесят рублей». Отец взял деньги у Давида и отдал.

«И что таможенник сделал с этими деньгами?» — спрашиваю у мамы. «Как что? — удивляется. — Положил себе в карман».

Затем была дорога, которой в большинстве прошли переселенцы, эмигрировавшие из Союза в США: Вена — Рим — Ладисполь.

Не расступались воды, — путь лежал по магистралям конца второго тысячелетия от Рождества Христа. Не падала манна с неба, как тогда, в пустыне, три с половиной тысячи лет назад, начиная от месяца авива и все сорок лет пути. Деньги на питание, на проживание в гостиницах выдавала организация, содействующая евреям-эмигрантам. Но это был исход.

В Вену приехали к ночи. Всех усадили в автобус и повезли в гостиницу. Мама: «Вена — сказка. Рекламы, витрины ошеломили». Сначала в одну гостиницу, потом в другую — мест нет; людей тогда прибывало много. Спали в холле гостиницы на матрасах, постеленных на полу.

Продолжает Лина: «Утром те, кто встали раньше, разбудили нас так: “Просыпайтесь, посмотрите, что за углом”». И мы впервые увидели эти чудо-магазины, это изобилие продуктов... У меня всё время слёзы наворачивались на глаза: почему такая несправедливость? Тут — всё, а там — ничего. Потом нас поселили в гостиницу, дали отдельные номера. Выдавали деньги. На питание вполне хватало... Обычно за продуктами я ходила вместе с папой. Как зайдём в магазин, так у меня начинает кружиться голова». И дальше, видя, что улыбаюсь: «Ты, может быть, думаешь, я сочиняю? Голова кружилась так, что я выходила из магазина и прислонялась к стене, просила папу немного переждать. Один раз даже сумку с продуктами оставили там, где стояли».

Прожили в Вене две недели. Из Вены в Рим — поездом.

Дальше рассказывает мама: «Рим нам сразу не понравился. Было такое чувство, будто из дворца попали в мусорную яму: грязь там ужасная. Но после того, как мы побывали в музеях, соборах, мы уже грязь не замечали, а видели только красоту»...

В Риме пробыли около двух недель, жили в гостинице. Затем перебрались в Ладисполь, курортный городок, где наши эмигранты дожидаются выезда в страну следования. В Ладисполе многие итальянцы научились изъясняться по-русски.

Сняли за небольшую плату чудный дом с видом на море и бассейном во дворе. По-прежнему получали деньги на жильё и питание.

От Ладисполя до Рима чуть более получаса езды на электричке. Часто за продуктами Марик ездил в Рим. Там, на рынке, они дешевле. Там же Марик продавал кое-что из вещей, привезённых из Союза. На вырученные деньги и на те, что удавалось откладывать, съездили с экскурсией на север Италии. Были во Флоренции, в Пизе, Венеции. Собрались отправиться с экскурсией на юг Италии, но пришло время улетать.

Тех эмигрантов, которые намеревались попасть в США, вызывали в американское посольство в Риме.

Меня интересуют подробности.

— И что вы там делали? — спрашиваю.

— Заполняли анкеты, — отвечает мама.

— А какие вопросы там были?

— Из-за чего уехали...

— И что ты написала? — допытываюсь у мамы.

— Из-за антисемитизма.

— А ты? — обращаюсь к Лине.

— Я уже не помню, — отвечает. — Но могу тебе сказать, что мама с папой в жизни бы не уехали, если бы я их не тянула и не твердила маме: без неё — никуда. Ты был уже в своей Туле, да тебя и не убедишь. Вообще, в кого ты такой упрямый?.. А мама видела, как мне было плохо. Только потому и согласилась. Так что в конечном счёте мама написала правду...

Вспомнили о приключении в римском аэропорту. Накануне вылета Боря упросил родителей купить ему пистолет. Борю пытались отговорить: пистолет тяжёлый и совсем как настоящий — могут не пустить в самолёт. Но ребёнок хотел игрушку и получил её. А перед вылетом, видно, трусил и незаметно сунул пистолет Марику в карман плаща. Когда же проходили контроль в аэропорту, к Марику подскочили двое здоровенных ребят, заломили ему руки за спину и

повели. Лина: «Я испугалась до ужаса. Не могла понять, что случилось, пока из кармана плаща осторожно не достали пистолет. Я кричу им по-итальянски: “Это игрушка бамбино!”, то есть ребёнка». Мама: «Этой игрушкой можно убить, такая она тяжёлая. А наставь её на тебя — и будет не до шуток».

Ещё хорошо отделались — лишь пистолет отняли.

...Марик вечером, показывая часики: «Я у этой компании ещё ни разу ничего не заказал, а она продолжает слать мне каталоги, да ещё вот, с часами». Часы самые дешёвые, из тех, которые по доллару штука».

30 сентября, среда

Поехали в аэропорт встречать Давида. Марик заметно волновался. Прошёл час после приземления самолёта, два, три... Давида нет. Волнуемся. На Марика больно смотреть. Юра Русановский отправился куда-то узнавать, летел ли Давид этим рейсом.

Сначала я рассказывал всем, как медленно проходит паспортный контроль. Очередь большая, а тот, кто не понимает по-английски, должен ждать, пока найдётся переводчик, чтобы ответить на ряд вопросов. Но потом я замолчал и переживал как все.

Давиду семьдесят лет, по-английски не знает ни слова. К тому же сильно заикается, ещё с войны, после контузии. Конечно, он мог не сориентироваться при пересадке во Франкфурте.

Но Давид появился. Шёл очень бодро, с орденскими планками на груди, со стареньким, наверное довоенным, чемоданчиком.

Объятия, слёзы. Оказалось, в самом деле, тем прилетевшим из Союза, которые не могли ответить на вопросы при паспортном контроле, пришлось долго дожидаться переводчика.

Мама, Лина и я сели в машину к Юре и поехали домой — накрывать стол. Марик не утерпел — повёз отца показать свой магазин. Боря с ними. Через полчаса они вернулись, и на вопрос Миши Муркиса об увиденном Давид, улыбаясь, только покачал головой: «Д-д-а-а-а». Больше всего его поразила маленький фруктовый магазин корейцев, торгующих по соседству с Мариком. Давид стал всем рассказывать, какой это замечательный магазин, каких фруктов там только нет: и

ананасы, и бананы, и клубника. Самое, по его словам, удивительное, что никакой очереди.

Чуть выпив, Давид запел. Песня — его пристрастие. Говорит заикась, а поёт чисто.

1 октября, четверг

Приходили родные и знакомые. Прощаться...

Меня завалили подарками...

И не знаю, какое чувство сильнее: тоска — оттого что расстаёмся и неизвестно когда теперь увидимся, или радость — уже завтра буду дома...

Мне советуют: приеду в Союз — не надо распространяться о том, что видел, а если будут расспрашивать, можно рассказать про безработицу и преступность...

Тягостное ожидание в аэропорту. Наконец объявили посадку.

Я поспешил уйти, чтобы не затягивать прощание...

Туда, где тверди сходятся, — за край, что рдян, —
он шёл воздвигнуть Храм, о нём одном радея,
на уговоры странное твердя:
«Мне должно отправляться в Иудею».

А следом — странница, теснимая толпой,
тиха, с искусанными в кровь губами,
поодаль, — путь не заслонить собой, —
и выдержать искус: не встретиться глазами.

Лишь у смоковницы, которой не цвести,
простились на юру — над городом в долине.
Поцеловав Марию, молвил ей: «Прости,
мне час назначен в Иерусалиме»...

2 октября, пятница

Хотя до раскрепощённости американцев, которые кладут ноги на спинки впереди стоящих кресел, мне далеко, чувствовал себя в самолёте уже гораздо уверенней, чем месяц тому назад.

Сидевшая рядом со мной молодая американка заказала вино. Наливая себе, предложила и мне. Отказался. Разговорились, насколько это возможно с моим английским. Я рассказал о себе, о поездке; соседка — о себе. Её бабушка была русская, выехала из России перед революцией...

Шереметьево. Сержант-пограничник прошил меня взглядом, долго изучал мои документы и спросил: «Сколько вы пробыли в США?». Я уже успел забыть, что задержался на два дня. «Тридцать... два», — припоминаю. И ёкнуло моё сердечко. Сержант: «Почему?». Объясняю: получил на то разрешение. Называю фамилию вице-консула, с которым разговаривал по телефону. «Где письменное разрешение?» — дознаётся. Передаю слова вице-консула: на два дня задержки документа не требуется. Сержант велел подождать и ушёл. А я соображаю: что со мной могут сделать? не впустят? отправят назад за разрешением? Сержант вернулся с лейтенантом. Те же вопросы ко мне. И заключение то же: нужно письменное подтверждение. Лейтенант ушёл и вернулся с капитаном. Всё повторилось ещё раз...

Всё же меня пустили.

Из всех пассажиров, которые ждали свои вещи у транспортёра, с тележками — только несколько человек. Все тележки — на территории аэропорта, куда попадают лишь после таможни. Высматривая тех, кто в состоянии хорошо заплатить, прохаживаются два носильщика. Вступают в тихие переговоры с прилетевшими.

Получив багаж, я увидел табличку с указанием, где следует проходить досмотр советским гражданам. Направился туда. Впереди — человек пять. Передо мной — супруги, нанявшие носильщика. Он попытался провести своих клиентов без очереди. Не получилось.

Прошёл час, а я всё на том же месте. За мной выстроилось ещё человек десять. Подошла группа иностранных туристов и не заметив или не захотев увидеть стоящих здесь, образовала вторую очередь. Обе очереди сходились там, где иностранка пыталась обойти супругов, за которыми я стоял. Но наш товарищ этого ей не позволил. Туристка, проявляя настойчивость, энергично говорила что-то по-немецки. Завязалась перебранка. Кончилось тем, что дама вышла из себя, стала выкрикивать какие-то, видимо бранные, слова, из которых я разобрал только одно: «русский». Она развернулась и двинулась в обратную сторону, словно собиралась вернуться туда, откуда прилетела.

Иностранцев провели к другому таможенному посту.

У супругов, которые стояли с носильщиком впереди меня, таможенник из всего багажа открыл и бегло осмотрел один чемодан. Мои вещи изучал более получаса. Перебрал всё. Работал не спеша. В присутствии многих зрителей и по ту сторону барьера, и по эту перекалывал трусы, щупал носки, заглядывал в обувь. Не побрезговал. Спрашивал, что почём. Дошла очередь и до дневника. Думаю: всё отдам, а за дневник буду драться. Но бороться не пришлось. Дневник он только пролистал.

С удивлением обнаружил в своём чемодане палку колбасы. Мама постаралась. Прежде колбасу возил из Москвы, теперь везу из Нью-Йорка.

Пока проверяли меня, таможенник за соседней стойкой успел пропустить всех гостей-иностранцев. Разительный контраст с аналогичной американской службой. Там в очереди стоят иностранные граждане. Свои проходят только паспортный контроль; ничьи вещи не открывают. У нас же особая бдительность при досмотре соотечественников: как бы не привезли чего лишнего. Уважаем ли сами себя?

...И всё-таки я дома. Хотя теперь и не знаю, какая земля родней. Какой из двух берегов родней мосту, протянувшемуся над рекой? Пока недостроен — тот, с которым был соединён сначала...

Отныне у меня два дома. Улетая к одному, буду тосковать по другому.

Думал, стезя моя рваней пунктира,
гор каменистей, интимней бессонницы.
Вышло же — нет: все дороги мира
на мне сходятся.

Тягой влекомый, кровным родством
к краю, где рос, и к маме,
я ощущаю себя мостом
между материками.

Призван сполна овладеть ремеслом:
бывшее сделать непреходящим,
я ощущаю себя мостом
между материками.

И вдохновенно радея о том,
чтобы за жизнь Вселенной было воздано,
я ощущаю себя мостом
между Землёй и звёздами.

В мир вкоренён как в родительский дом,
крепко встроен в столетия.
Кажется, что распростёрт мостом
из второго тысячелетия
в третье.